

Руслан Басунов

Ледяное сердце ЗИМЫ

Руслан Басунов

Ледяное сердце зимы

«Автор»

2026

Басунов Р. А.

Ледяное сердце зимы / Р. А. Басунов — «Автор», 2026

«Когда чудо падает к твоим ногам, покрытое инеем и дрожащее от холода, ты не думаешь, ты просто протягиваешь руку». Элис выросла одна на Северном полюсе. Она умела разжигать печь, ловить рыбу и предсказывать бури по цвету облаков. Но она никогда не умела верить в чудеса, потому что здесь, на краю света, чудес не бывает. Всё меняется, когда буря приносит к её порогу чёрного дракона с золотыми глазами. Он не говорит, но он понимает. Он дышит ледяным паром и носит на спине сумки, полные зашифрованных писем. Вместе им предстоит пересечь бескрайние снега, попасть в город лепреконов, где смех и опасность идут рука об руку, и спуститься в самое сердце базы Санта-Клауса, где чудеса собирают на конвейере, как детали на заводе. Но за этим миром стоит древняя тёмная сила, которая хочет не просто испортить Рождество. Она хочет заморозить само счастье.

© Басунов Р. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Вместо предисловия.	5
Глава 1.	6
Глава 2.	11
Глава 3.	22
Глава 4.	32
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Руслан Басунов

Ледяное сердце зимы

Вместо предисловия.

«Эта книга не о героях. Здесь нет тех, кто рождается с мечом в руке или пламенем в груди. Это книга о тех, кто просто жил. Потому что на Севере жить — это уже подвиг. За каждым тёплым углём стоит чья-то зима. За каждым вдохом — чья-то отданная тишина. Вы думаете, что чудо — это свет? Нет. Чудо — это когда ты помнишь, как дышать, когда снег уже засыпает тебе глаза».

Руслан Басунов.

Посвящается моей любимой Соне. Та, что вдохновила каждую страницу. Сонечка, моя самая лучшая глава.

Глава 1.

Языки пламени с тихим треском медленно разгорались в костре камина, превращая дрова в горячий пепел. Огонь лениво разгораясь, пожирал поленья одно за другим, оставляя после себя лишь тёплую золу.

Элис ловко, резким движением левой руки, кинула ещё одно полено в костёр, наблюдая, как и оно начинает гореть.

За окном вьюга. Смотря на неё, казалось, что это не природное явление, а почти мифический персонаж, напоминающий белую тьму. Ветер, разогнавшись на открытых пространствах, со свистом, срывал со всей округи верхний, самый рыхлый слой снега и нёс его низом, у самой земли. Он не падал с неба, а словно тёк, как река, вихляя и переливаясь волнами. Забивался в каждую щель дома, намывая у стен причудливые, кособокие дюны, ложился на ветки деревьев только с наветренной стороны, придавая им ошетилившийся, струящийся вид.

В доме стало тепло. В камине всё ещё слышалось, как дрова трещат от обилия, выпуская в полумрак последние язычки пламени. Воздух был густ от запаха тлеющей древесины: сладковатого и смолистого. Запах горелого нёсся, прямо в ноздри Элис. Она втянула его полной грудью, и с ним по жилам не торопясь разлилось умиротворение. Оно шло от расправленных плеч к сжатым до сих пор рукам, согревало изнутри, добиралось до самого сердца. И там, в самой глубине, таял последний осколок зимнего холода.

Дом был слишком велик для одной Элис. В нём два этажа, на первом гостиная, из которой с массивным, но давно не топившимся камином вели три проёма без дверей: вправо на кухню, где пахло пылью и чем-то жареным; прямо в тёмный лаз, заваленный тенями и очертаниями ненужных вещей; и налево к лестнице. Ещё левее небольшая ванная. Лестница, скрипучая и солидная, вела на второй этаж. На втором этаже расположена комната Элис и огромный, холодноватый, почти пустой зал. Посередине стояла большая, бесформенно-тёмная ёлка. Она была не просто не наряженной. Она казалась спящей, замёрзшей великаншей, и оставшаяся ждать своего часа. Её зелёные иголки, густые и пыльные, поглощали скупой зимний свет из окна, пока напоминая не о празднике, а о глухом лесном одиночестве.

Ёлку принёс отец Элис, за два дня до своего ухода на работу в далёкие края. Взяв с собою лишь тёплую кофту, меховую шапку и топор, он спустился с ледяной горы и ушёл в лес искать подходящее дерево. Два часа бродил он в глубине леса, пока не нашёл ту самую ёлку. Как позже рассказал он за ужином Элис — не он выбрал ёлку, а она его. Единственная, кто сиял ярче всех в такой глуши, затмевая остальных своими густыми, тяжёлыми иголками, точно собранными из самой темноты и света разом.

Ветер снова взвыл за окном, напоминая о себе, и Элис вздрогнула, отвлечённая от своих воспоминаний. Звук был резкий, требовательный, словно сама буря не желала оставаться забытой, пока девушка блуждала в прошлом.

Элис подошла к окну, и прикоснулась правой ладонью к стеклу. Сквозь тёплую тишину комнаты прорывался только сдавленный вой бури снаружи. Окно было ледяным и покрыто инеем, и что происходило там, за окном увидеть было невозможно. Лишь слышать зловещий свист. Он то взвивался до пронзительного визга, то падал, захлёбываясь в низком, утробном гуле, и тогда казалось, что сам дом вздрагивает, принимая на себя удары невидимой белой стихии. Ладонь Элис плавно оставляла на морозном стекле тающий след, и сквозь эту проталину на миг проглянула глухая, непроглядная чернота ночи, будто весь мир за стенами дома исчез, растворился в кружащей ледяной мгле.

Ветер, слегка перешёл от яростного воя к глухому, усталому завыванию в трубах. Но оконный проём по-прежнему оставался слепым. Густой, узорчатый иней настойчиво не отступал, превращая ситалл в матовое полотно.

Элис, стряхнув с ладони ледяное онемение, развернулась и твёрдыми шагами направилась в ванную. Комната была маленькой и аскетичной, пахла старым деревом, сыроватой плиткой и тишиной. Главным и, по сути, единственным её предметом была ванна. Она стояла у дальней стены, массивная, округлой формы, сбита из толстых, тёмных от времени дубовых досок. В ней была заполнена вода наполовину. Вода в ней, простоявшая не один час, была леденяще холодной, и от неё тянуло тихим запахом старого дерева и железа. С горячей водой здесь было не всё так просто. Её нужно было заранее выстрадать. Рядом, в углу, стояла небольшая коренастая печь-голландка, изразцы давно потускнели. А в чреве уже плескалась та самая вода, которую Элис принесла ещё утром. Теперь, чтобы превратить её в парящую влагу для купели, предстояло растопить огонь, загрузить в топку охапку дров, а затем ждать долго, слушая, как булькает и постанывает металл, пока тепло не пройдёт по всем извилистым кишкам печи и не отдаст себя воде. Только тогда можно было открыть кран и, смешав кипяток с ледяной водой из ванны, получить, наконец, желанное тепло.

Свет в ванной неожиданно потух. Тишина размеренно сгустилась, стала осязаемой. В этом доме не было привычного электричества. Всё держалось на лампадах, стеклянных сосудах, где мерно питался маленький огонёк. Его пламя было неярким, качающимся, но удивительно сметливым: оно умело находить каждую щель, отбрасывать на стены гибкие тени и наполнять комнаты тёплым, янтарным сиянием. В среднем, в каждой комнате горело по четыре таких огонька. Лампы были экономичны и упрямы. Одной заправки масла хватало надолго. Может, на месяц, а может, и дольше. Но сейчас, в этой маленькой комнате, даже этого упрямого огня не осталось.

Элис с полным спокойствием закрыла глаза и по памяти вышла из ванной. Она знала, что в таких случаях делать. Немедля, ступая уверенно, поднялась на второй этаж и, минуя одинокую ёлку, зашла в кладовку, что находилась между её комнатой и залом.

Кладовка использовалась лишь для хранения вяленой оленины и сушёной рыбы. В воздухе стоял пряный запах мяса и соли, а под низким потолком покачивались связки, отбрасывая на стены длинные, вытянутые тени. В дальнем углу одиноко стоял маленький синий сундук. Всего сундуков в доме было три: один маленький и два среднего размера, но только в этом хранилось самое ценное — то, что отец привозил из далёких краёв.

Наклонившись, чтобы головой не задеть рыбу и оленину, она на коленях подползла к сундуку, со скрипом откинула крышку и достала одну баночку с воском. Воск здесь достаточно дорогое удовольствие, но её отец вместе с группой исследователей, работая часто на краю, нередко встречался с торговцами. Те за небольшую сумму предлагали интересные, диковинные вещи. А её отец, имея высокий интеллект, умудрялся договариваться так, что брал всё в больших количествах и по дешёвке. И вот теперь этот полупрозрачный, гладкий воск, пахнувший чем-то сладковатым, лежал в её ладони, храня тепло отцовских рук.

С таким же скрипом крышка сундука тихо закрылась. Элис выползла из кладовки и, аккуратно держа в обеих руках банку с воском, спустилась на первый этаж. На кухне она захватила с собой старую лампу, с потускневшей медной ручкой, но, которая давала ровный, уютный свет. И Элис вернулась в ванную.

За пару секунд она заправила лампу. Огонёк вздрогнул, затрепетал, будто сначала раздумывая, а затем вновь запылал ровно, отбрасывая на стены её удлинённую, колеблющуюся тень. Элис погладила свои колени, чувствуя, как ноет затёкшее тело, и, прижимая старинную лампу к груди, подошла к зеркалу. Оно висело тут же, в ванной, старое, в потускневшей бронзовой раме, покрытое по углам чёрными точками. Из глубины стекла на неё глянуло собственное лицо: бледное, с заострившимися скулами и тёмными провалами глаз, в которых плясал отражённый огонёк лампы.

В отражении появилась милая девушка с красивой улыбкой. Её волосы, цвета тёмного мёда, тяжёлой, мягкой волной спадали ниже плеч, мерцающая в свете лампы тёплыми отсветами.

Среди этой каштановой россыпи, у левого виска, сияла, словно настоящая и не растаявшая снежинка. Изящная заколка из посеребрённого металла с тончайшей паутиной узоров. Лицо было не кукольно-идеальным, а живым, с лёгкой горбинкой на аккуратном носу, который сейчас казался особенно милым, и с румянцем, ярко проступившим на щеках после встречи с ледяным окном. Этот румянец лежал на бледной коже не просто розовыми пятнами, а будто кто-то слегка растёр по холоду ягоды брусники.

Поверх простой льняной сорочки была надета безрукавка из плотной, мягкой шерсти цвета лесного мха, по краям обшита тесьмой с запутанным, геометрическим орнаментом. На плечи был небрежно, накинут плащ-накидка из грубоватого, но тёплого полотна, застёгнутый у горла на крупную пряжку в виде дубового листа. Из-под подола выглядывали узкие, облегающие ноги гамаш из темной кожи, а на ногах: крепкие, аккуратно поношенные сапожки до середины икры, явно сшитые для долгих прогулок, а не просто для украшения.

Но долго любоваться собой Элис не удалось. Она ещё задерживала взгляд на серебряной заколке, ещё ловила в зеркале тёплый отблеск лампы в собственных волосах, ещё чувствовала, как понемногу отпускает напряжение в плечах, — как вдруг...

Что-то тяжёлое и стремительное со свистом рассекло воздушную среду над крышей. Звук оказался так близко и таким зловещим. А потом произошёл внезапный грохот. Глухой, сокрушительный удар, от которого дрогнули стены, и звонко зазвенела посуда на кухне. Казалось, будто огромная птица, не справившись с бурей, камнем рухнула в какое-то здание.

От неожиданности Элис вздрогнула всем телом, сердце, глухо и часто колотилось где-то в горле. Лампа в руке качнулась, огонёк испуганно заметался, и тени на стенах заплясали, ломаясь и перекручиваясь. Она стремительно выскользнула из ванной комнаты, промелькнула по коридору, почти бесшумно, лишь половицы под сапогами жалобно скрипнули раз-другой. И сорвала с вешалки у входа длиннополый плащ из грубой валяной шерсти, пахнущий дымом и ветром. Накинула его на плечи на ходу, даже не застёгивая, чувствуя, как колючая ткань цепляется за ночную рубашку.

Лампа всё ещё оставалась прикованной к её руке, побелевшие пальцы стиснули металлическую ручку так, что побелели костяшки, и огонёк в ней продолжал плясать безумными тенями по стенам. С этим трепещущим светильником в руке она рванулась обратно в гостиную, к входной двери. Дерево было холодным на ощупь. Элис распахнула дверь, выпустив навстречу метели и мраку тонкую полоску тёплого, живого свет.

Ветер встретил её у порога, как стену целой ледяной лавиной, вбитой в дверной проём с такой силой, что Элис отшатнулась, зажмурившись. Воздух вырвался из лёгких резким выдохом. Пар изо рта смешался с ворвавшейся в дом снежной пылью, будто чья-то плотная, невидимая рука, шершавая от колючей снежной крошки, ударила её по лицу, заставив кожу онеметь в одно мгновение.

Снег ворвался вместе с ним, миллионы острых, невидимых игл забились под плащ, вцепились в ресницы, и спустя несколько секунд растаяли ледяными уколами на разгорячённых щеках Элис. Белая крупа с сухим шелестом посыпалась на пол в прихожей, тут же образуя на тёмных досках тающие звёздочки и влажные тёмные пятна. Полоска света от лампы в её руке дрогнула, сплющилась под натиском стихии и вытянулась вперёд, слабая и колеблющаяся, пытаясь пронзить белую мглу.

Элис втянула голову в плечи, прикрыв лицо согнутой рукой со светильником. Сквозь узкую щель между рукавами она увидела, как на пороге уже нарастает первый, искрящийся сугроб. Снег ложился жадно, словно сама зима торопилась проникнуть внутрь, застолбить себе место в этом человеческом жилье. Стужа быстро заполнила прихожую, вытесняя запах дома: древесного дыма, вяленого мяса и нагретой шерсти, — запахом чистого, колющего льда. Он забирался под плащ, под тонкую ткань ночной рубашки, касался разгорячённого тела ледя-

ными пальцами, и Элис почувствовала, как мурашки побежали по коже. От лопаток к поясице, от бёдер к самым ступням, уже начинавшим неметь на холодных половицах.

Участок вокруг дома будто утонул в снегу. Сугробы, вздыбленные ветром, сгладили все очертания, превратив двор в безликое, слепящее поле. С трудом можно было разглядеть, где кончается тропинка и начинается забор. Всё слилось в единую, волнистую белую пелену, переливающуюся под скупым светом луны, что изредка проглядывала сквозь рваные прорехи в тучах. Собравшись с силами, Элис с грохотом захлопнула дверь, отрезав бушующую стихию от своего уютного, тёплого мира. Постояла пару секунд, ощущая, как тепло заново проливается от груди к конечностям, покалывая отходящие от холода пальцы. И затем осмотрелась через заиндевевшее окно. Стекло подрагивало в раме, и сквозь морозные узоры мир снаружи казался искажённым, нездешним, словно весь он был лишь сном, который вот-вот развеется.

Внутри Элис шла борьба: страх перед неизвестным и дикое, почти детское любопытство. С одной стороны, если дом цел, то «это что-то» могло приземлиться куда угодно. Только вопрос, что именно? С каждой секундой, пока она стояла, вглядываясь в морозные узоры на стекле, по телу с новой силой накатывал горячий адреналин, ощутимо покалывающий низ живота, заставляющий сердце биться быстрее. И с той же острой и щекочущей волной поднимался интерес, — интерес к тому, что может быть там, в слепящей белизне.

В её памяти такого ещё не случалось, чтобы в их края хоть что-то прилетало. Наоборот, здесь всегда было тихо и спокойно. А особенно их домик, который с высоты птичьего полёта казался всего лишь маленькой точкой, затерянной в бескрайнем снежном безмолвии. Никто не жаловал эти места. Ни зверь, ни человек, ни даже, казалось, сама судьба.

Поборов страх, Элис сорвала с вешалки меховую шапку отца, ещё хранившую его запах. Натянула её до самых бровей, крепко вжала лампу в грудь и неторопливо приоткрыла дверь. В проём тут же ворвался ветер, но на этот раз она была готова. Стиснув зубы, Элис протиснулась в узкую щель ледового ада.

Аккуратно, не смотря вперёд, Элис обошла участок, который напоминал больше снежную крепость, чем дом. Ветер впивался в лицо острыми кинжалами и, и ей пришлось прикрыть его правой ладонью.

Сам участок не был таким уж большим, скорее среднего размера. Повсюду тянулся невысокий забор, выкрашенный когда-то в белый цвет, но сейчас, под покровом снега и в густой пелене вьюги, он полностью сливался с сугробами, и разглядеть его было невозможно. Казалось, двор просто обрывается в никуда. В белую, кружащую пустоту.

Вьюга выла так, что закладывало уши. Ветер бил в спину, в лицо, толкал в плечи, путался в полах плаща, и Элис поняла, что переоценила свои возможности. Каждый шаг давался с трудом. Ноги проваливались в снег почти по колено, а пальцы на руке, сжимавшей лампу, давно потеряли чувствительность. Обойдя вокруг дома, она ничего не обнаружила: лишь снег, снег, и бесконечный снег. Никаких следов, никаких вмятин в сугробах, ничего, что говорило бы о падении чего-то странного. Ей уже стало казаться, что всё это просто показалось. Что-то игра воображения, разбуженного одиночеством и воем бури.

Но оставалось одно место, до сих пор не проверенное. Вдохнув полной грудью обжигающий воздух, от которого перехватило горло, Элис, направились к сараю. Он темнел в стороне едва различимым силуэтом, приземистый, заметнённый почти под самую крышу. Медленным, негнувшимся движением левой руки она ухватила за ручку двери, покрытую толстой коркой льда, рванула на себя, и дверь со скрипом поддалась. Элис влетела внутрь, будто её кто-то толкнул в спину, и поспешно захлопнула за собой дверь, отсекая вой и стужу.

Она закрыла за собой дверь, и вой бури разом стих, сменившись ватной тишиной. Внутри, в полумраке, среди обломков стропил и разорванной соломы, лежало оно. Существо, похожее на дракона, но слегка меньше, чем в легендах, меньше, чем рисовало воображение, когда мать рассказывала ей сказки долгими зимними вечерами в далёком детстве. Элис застыла

на месте, боясь даже вдохнуть, и смотрела на чёрное животное, словно пришедшее прямиком из тех самых историй, из тёплого детства, где ещё звучал мамин голос.

Целую минуту Элис не решалась: подойти или нет? Она не могла понять, насколько он может быть опасен и что вообще следует делать с ним. Разум шептал об осторожности, но глаза видели другое: существо, ударившись о крышу сарая, сейчас лежало, свернувшись калачиком, и мерно дышало. Рёбра его едва заметно вздымались и опускались, с тихим, сиплым присвистом. И в Элис пробудилась сильная, почти болезненная эмпатия, передавшаяся ей от матери, всегда жалевшей даже раненых пичуг. Она моментально бросилась к нему, присела на корточки, не чувствуя, как холодная солома колет колени, и отставила лампу в сторону. Жёлтый свет упал на чёрную чешую, и та отозвалась тусклым, маслянистым блеском.

Дракон был взрослый, размером с крупную лошадь. Его чешуя была цвета воронова крыла, но без блеска, матовая, присыпанная снежной пылью. Всё тело мелко и часто дрожало то ли от страха, то ли от пронизывающего холода. На нём было снаряжение: кожаная упряжь с потёртыми ремнями, по бокам висели замшевые сумки, а на мощных задних лапах болтались чуть поломанные, странные, похожие на стремена, приспособления. Существо лежало на боку, крыло неестественно подогнуто под себя, и из приоткрытой пасти вырывался прерывистый, хриплый звук, больше похожий на стон, чем на рык. В его глазах, огромных и золотистых, отражался трепетный огонёк лампы и немой вопрос.

Золотистый зрачок, расширившись, поймал её образ, и в нём мелькнула тихая, бездонная жалоба. Он издал глухое, хриплое мурлыканье. Этот звук прошёлся по душе Элис ледяной щекоткой.

— Спокойно, милый, — прошептала она, и её голос в заледеневшем сарае прозвучал неестественно громко. — Ничего. Сейчас я принесу тебе тепла. Тёплых одеял. И тебе станет легче.

Элис почти бегом понеслась обратно к дому, увязая в сугробах, её мысли уже были там, в сундуке на втором этаже, в комнате родителей, где лежали тяжёлые шерстяные одеяла. Но не для себя. Теперь для него, для её нового, невозможного, дрожащего питомца, принесённого самой бурей.

Глава 2.

Дом Элис не был похож на сказочный, роскошный особняк с башенками и витражами. Те, что рисуют в детских книжках. Это был простой, крепко сбитый двухэтажный сруб, чьи стены из тёмного, посеребрённого временем и непогодой леса говорили о выносливости и честности тех, кто его строил на века. Каждое бревно хранило память о десятках зим, что были прожиты в суровом климате, каждый паз был подогнан с той строгой точностью, какая рождается лишь из необходимости, а не из желания украсить. Снаружи дом казался немного монументальным, даже замкнутым. В нём не было ни резных наличников, ни украшенного крыльца с точёными перилами, ни ярких ставен. Только честные бревенчатые стены, хранящие в себе запах смолы и стужи, крутая, засыпанная снегом крыша, с которой зимой свисали длинные, прозрачные сосульки и труба, из которой в безветренную погоду вился ровный столбик дыма. Домик стоял на пригорке, словно врос в землю, и всем своим видом говорил: «Я здесь надолго, и мне не страшны ни ветер, ни выюга, ни одиночество».

Он стоял на отшибе, на плоской вершине невысокой, но одинокой горы. Гора была сглаженной ветрами и временем, без острых пиков и скалистых обрывов. Просто массивный горб земли, укутанный в многометровую толщу спрессованного снега. С одной стороны к дому подступал ровный склон, единственный путь в большой мир, по которому ещё можно было спуститься в редкие дни затишья. С остальных же сторон мир обрывался в белую бездну, где небо сливалось с землёй в спящей, кружащей метели, и невозможно было понять, где кончается твердь и начинается пустота.

Это был самый настоящий Северный полюс. Тот самый, что фигурирует на картах как крошечная точка в центре схождения меридианов. Но в реальности представляет собой бесконечное царство льда, снега и полярной ночи, длящейся полгода. Место, где время течёт не по часам, а движением звёзд по чёрному куполу неба и редкими всполохами северного сияния, что изредка разливалось над горизонтом зелёными, дрожащими реками света. Здесь не было ни деревьев, ни кустарников, ни следов зверей. По крайней мере, вблизи горы, а дальше Элис и ходила. Слишком опасно. Только ветер, свистящий в трубе, и снег, что лежал повсюду, насколько хватало глаз, искрясь под луной миллиардами холодных, колючих искр.

Элис жила в доме одна. Её мама много лет назад уехала из Северного полюса. Нашла работу в Финляндии, на горячей линии «Резиденция Санта-Клауса», где круглый год отвечала на звонки детей из тёплых стран, рассказывая им о сказочном севере. О пушистых сугробах, оленях с бубенцами и эльфах, пекущих имбирные пряники. О том севере, которого здесь, за окном, не существовало. Для неё Полюс стал работой, мифом, красивой открыткой с блёстками, которую можно повесить на стену и любоваться издалека. Для Элис он остался домом: суровым, реальным, с ледяными окнами и печкой, которую нужно топить, чтобы не замёрзнуть.

Сложно сказать, скучает ли Элис по своим родителям или нет. Скука, это чувство особенное, требующее пустоты, которую надо чем-то заполнить, а у неё такой пустоты почти не оставалось. Долгое время она проводила в глухом одиночестве, и за эти годы в ней накопилось множество увлечений и навыков. Больше тихих, кропотливых, тех, что не требуют собеседника. Она вышивала долгими вечерами: крестик за крестиком, стежок за стежком, и под её пальцами на ткани расцветали невиданные здесь цвета: алые маки, синие васильки. Те цвета, которых она никогда не видела вживую, только на картинках из отцовских книг. Или, закутавшись в шерстяной плед, часами сидела у окна и наблюдала за звёздами в долгие полярные ночи. Она знала их по именам, выучила все созвездия и могла безошибочно определить, который теперь час, просто взглянув на небо. А иногда, когда ветер стихал и мороз становился мягким, она выходила на крыльцо с пальцами в одной руке и чашкой остывающего чая в другой и

занималась двумя увлечениями разом: вышивала, поглядывая вверх, на мерцающую россыпь, и чувствовала, как тишина становится уютной.

Иногда, когда совсем уж наскучит привычный ход вещей, Элис доставала старые книги отца. Они хранились в маленьком, окованном медью сундучке, что стоял в родительской комнате, куда она заходила редко и всегда с тихой, щемящей осторожностью. Сундучок стоял у изголовья кровати, на которой давно никто не спал, и пах от него сухой бумагой, пылью и чем-то ещё. Чем-то родным, что она боялась расплескать. Она брала одну книгу, заваривала горячий чай, ставила рядом блюдце с сушками и забиралась с ногами в кресло у камина. И там, под треск поленьев, уходила в другие миры. Миры, что пахли морем, жарким солнцем и пряностями, о которых она читала, но которых никогда не знала. Некоторые сказки писал сам отец. Она узнавала его почерк, быстрый, с наклоном влево, — и представляла, как он сидел у этого же камина с пером и листом бумаги, напевая себе под нос какие-то сказочные, далёкие мелодии. Мелодии, которых теперь в этом доме не звучало.

Раз в три-четыре месяца, а иногда и реже, когда экспедиция затягивалась, на пороге дома появлялся отец. Он появлялся неожиданно, всегда по-разному: то среди ночи, когда Элис просыпалась от осторожного стука в дверь, то на исходе серого, бессолнечного дня, когда метель на мгновение стихала, и в этой тишине раздавались тяжёлые, усталые шаги. Он входил, заснеженный с головы до ног, с ледяной коркой на ресницах и инеем в бороде, и приносил с собой запах далёких земель. Морозной свежести, металла, звериных шкур и чего-то ещё, незнакомого, будоражащего. На пару дней дом оживал: в камине гудел огонь, на кухне гремели котелки, а низкий, хриловатый голос отца наполнял комнаты рассказами о том, что лежит там, за кромкой, где карты обрываются белым пятном.

Отец был исследователем на самой границе Полюса, где реальность заканчивалась и начиналась сказочная, ледяная пустошь. Его группа на корабле изучала то, чего не видел никто: подлёдные пещеры, уходящие в черноту на сотни метров; древние трещины, из которых поднимался пар, словно сама земля дышала; северное сияние, что на той кромке горело светом, потрескивало, почти говорило на своём нечеловеческом языке. Он уходил туда снова и снова, движимый жадой, которую Элис не до конца понимала, но уважала. И каждый раз, уходя, оставлял всё хозяйство на неё.

Так было с самого детства. Элис не помнила времени, когда не умела разжигать печь или забивать ставни перед бурей. Она росла самостоятельным ребёнком. Молчаливым, собранным, с серьёзным взглядом из-под густых ресниц. Экстремальные условия не пугали её; они были единственной реальностью, которую она знала. Элис умела читать погоду по цвету облаков, предсказывать пургу за час до её начала, отличать хруст здорового льда от треска тонкой корки. Её руки, ещё девичьи, худые, знали всю тяжесть топора, жар печи и холод металла. И когда отец снова исчезал за дверью, растворяясь в белой мгле, Элис возвращалась к привычной рутине: дрова, вода, огонь, книги, звёзды. Тишина снова смыкалась над домом, но это не было ей в тягость, это была её суровая, но настоящая жизнь. И она не променяла бы её ни на какую другую.

Каждое воскресенье, если позволяла погода, она спускалась с горы по едва заметной тропе к гигантской полынье, замёрзшему сердцу водоёма. Там, в ледяной воде, в полном умиротворении, она ловила рыбу. Это был в большей степени не спорт, а необходимость, тихий и молчаливый диалог со стихией, который заканчивался либо пустыми руками и чувством досады, либо серебристой добычей в рюкзаке. Но сейчас с приливами бурь, она в основном сидела дома у окна, наблюдая за белой тьмой, и ела то, что успела наловить сама, или брала из щедрых, расчётливых запасов, которые оставлял отец: консервы, сушёное мясо и крупы в герметичных бочках.

Перед большими бурями, теми, что подступали к Новому году и длились затем несколько недель, не стихая, нужно было сделать последнюю проверку: проверить каждую банку, каждую связку дров, достать из сундуков дополнительную шерсть, варежки и шали. Это был своего рода ритуал перед длительной осадой, где главным врагом был холод, способный пробраться сквозь любую щель и забрать из человека всё тепло.

После вчерашнего дня буря, кажется, отступила. Но не насовсем. Элис чувствовала это где-то в глубине души, тем самым своим чутьём, которое вырабатывается у всякого, кто долго живёт на Полюсе. Буря не ушла. Она лишь затаилась, чтобы перевести дух, и напасть на её крепость с новой силой, свернувшись в тугой, готовый вот-вот разжаться вихрь. На такие вещи у Элис всегда был тонкий слух, почти сверхъестественный, словно сами духи Полюса, безымянные и древние, живущие глубоко во льдах, нашёптывали ей об этом на грани тонкой слышимости.

За окном больше не выл непрерывный ветер. Не было того пронзительного, многочасового воя, от которого дребезжали стёкла и гудело в груди. Лишь изредка доносился приглушённый, низкий стон, утробный. Будто спящий зверь ворочался во сне где-то высоко в небе, неловко переворачиваясь с боку на бок. Стон этот прокатывался над крышей, затихал, и снова наступала рыхлая, ненадёжная тишина, готовая в любой миг треснуть по швам.

У Элис была хорошая фантазия. Слишком хорошая, сказала бы её мать, если бы была рядом. И однажды, стоя у окна с кружкой остывшего чая, в один из таких же беззаботных дней, она невольно улыбнулась, поймав себя на мысли, что представляет это «существо». Огромное, размером с само небо, раскинулось над Полюсом, накрыв его своим мохнатым брюхом. Что-то среднее между оборотнем из старых отцовских сказок и гигантским медведем, только шерсть у него не белая, а коричневая, свалывшаяся в клочья от долгой спячки. По её представлению, лёжа высоко на небе, оно глубоко дышало, так, что дыхание становилось ветром.

Оно ворочалось, из-за чего мир содрогался бурей. Оно спало, и наступало затишье. Элис представляла, как оно смешно подёргивает лапой во сне, гоняясь за каким-то небесным зайцем, и улыбка её стала шире. Но спустя пару секунд погасла. Потому что даже в воображении она знала: зверь этот скоро проснётся. И тогда тишина закончится, и наступят те же холодные дни.

Кровать Элис была расположена у стены, поодаль от окна. Вчера, вероятно забывшись, она не прикрыла окно занавеской, и с рассветом первые лучи стали падать ей прямо на лицо, неярким, рассеянным, сероватым светом. Достаточно настойчивым, чтобы вытянуть её из сна. Элис поморщилась, не открывая глаз, и решила ещё немного поспать. Быстрым движением перевернулась на левый бок, натянула на плечи синее тёплое одеяло, пахнущее шерстью и домом, и попыталась снова провалиться в дремоту.

Но сон не шёл. В этой гнетущей тишине, что звенела в ушах вместо привычного воя ветра, внутри неё стало слегка не по себе. Тишина была слишком плотной, слишком полной, словно мир затаил дыхание и ждал чего-то.

Элис открыла глаза. Первое, что она увидела, был непривычный серый тусклый свет, пробивающийся сквозь иней на стекле. Морозные узоры искрились в этом скупом свете, рассыпая по стене дрожащие блики, и в комнате было непривычно светло для раннего утра.

Всё-таки это был не сон.

Элис зевнула, широко и по-кошачьи, чувствуя, как холодный воздух щекочет горло. Медлительно, почти нехотя, она сбросила с себя груз шерстяного одеяла, и мгновенно ощутила резкий, бодрящий холодок. Он скользнул аккуратно по коже, заставив мурашки пробежать по спине. На ней была всё та же вчерашняя одежда: поношенная сорочка и шерстяные штаны. Но за ночь они, кажется, выдохлись, отдали всё накопленное тепло воздуху спальни. Ткань стала прохладной и влажной от дыхания, и больше не обнимала, а лишь безучастно касалась тела.

— Холодно, — констатировал внутри неё безжалостный внутренний голос, голос Севера.
— Нужно одеться теплее.

Голос Элис был сказочно нежным для этого сурового края, где даже слова, казалось, должны звучать грубо, отрывисто, как удары топора по полену. Но её голос был иным. Он лился мягко, обволакивая, словно тёплое молоко в морозный веча. Таким голосом, наверное, пела бы Белоснежка, если бы вдруг решила стать доброй. Тем голосом, что мог повести за собой любое существо, будь то любой зверь. И растопить сердце даже самого безжалостного монстра.

Элис редко это осознавала. Она почти ни с кем не говорила, кроме отца в его короткие приезды, и редко сама с собой, когда долгое молчание становилось невыносимым. Но сейчас, она вдруг почувствовала, как голос сам поднимается из груди, успокаивающий, почти колыбельный.

Она села на кровати, потёрла ладонью лицо, сгоняя остатки сна, и окинула взглядом комнату. Сегодня предстоял не обычный день. Предстояло проверить сарай, проверить своего нового питомца, накормить печь свежими дровами, приготовить еду и оценить запасы. Для всего этого нужно было сначала собрать себя воедино, слой за слоем, чтобы холод не проник внутрь и не отнял драгоценные силы, которые так нужны каждый день. Первым делом, грубая шерстяная рубаша, затем плотный вязаный свитер с высоким горлом, потом тёплые носки... Её движения, ещё немного сонные, уже обрели привычную, отточенную годами чёткость.

Но тут невольно Элис уставилась на картину, стоявшую на её комод. Та была старой, написанной маслом на потемневшей от времени доске, и рама её грубая, из некрашеного дерева, кое-где тронутая жучком давно рассохлась. Картина эта кочевала по дому сколько Элис себя помнила: когда-то висела в комнате родителей, над изголовьем их кровати, а после отъезда матери Элис забрала её себе, сама не зная зачем. Возможно, просто чтобы в комнате было чуть меньше тишины.

Это был обычный натюрморт, из тех, что рисуют не ради искусства, а ради памяти о сытном ужине. По словам отца, здесь был изображён стейк из мяса кабана: сочный, тёмно-красный в середине, с белыми прожилками жира и поджаристой корочкой, с которой будто бы ещё капал горячий сок. Рядом лежали несколько картофелин, разрезанных пополам, пучок сушёных трав и луковица с золотистой шелухой. Художник был явно не мастером, тени лежали плоско, а перспектива хромала, но в этой грубой простоте было что-то удивительно живое, почти осязаемое. Особенно в долгие зимние месяцы, когда свежее мясо в доме заканчивалось и приходилось перебиваться вяленой олениной и сушёной рыбой. Тогда Элис подолгу смотрела на картину и почти чувствовала на языке тот самый стейк, горячий и пряный.

А ещё отец рассказывал, что картину привёз её прадед, купив за дёшево где-то на краю Полюса. Насколько это было правдой и у кого именно прадед её приобрёл, Элис не знала.

Тепло, одевшись в несколько слоёв грубой шерсти, она спустилась на первый этаж. Ступени под ногами привычно скрипнули, и этот звук, немного успокоил её. В гостиной было холодно: за ночь камин прогорел дотла, и теперь от него веяло лишь едва уловимым запахом умирающих углей. Элис, не спеша, опустилась на колени перед очагом и подбросила в него горсть сухой щепы, а затем несколько поленьев, тех, что с вечера лежали у решётки в ожидании своего часа.

— Надо будет вечером в дровницу сходить, — прошептала она сама себе, и голос её прозвучал глухо, почти чуждо в пустой комнате. — Дрова кончаются.

Огонь, проснувшись, обнял сухую древесину жадными, оранжево-золотыми руками, тонкие струйки дыма робко зазмеились над почерневшими головёшками, потом что-то щёлкнуло, треснуло, и вот уже первый, ещё слабый язычок пламени лизнул древесину, пробуя её на вкус. Элис подняв колени, присела на корточки, наблюдая, как в её глазах рождаются и растут языки пламени, сначала робкие, потом уверенные, они постепенно набирали силу, становились выше, смелее, и вот уже комнату наполнила трескучая музыка. Сухое пощёлкивание, шипение смолы,

глубокий, убаюкивающий гул огня. Тепло волнами расходилось от камина, гладило лицо, забиралось под шерстяные слои одежды, и Элис, наконец, почувствовала, как уходит напряжение из плеч, как отпускает холод, державший её в своих тисках с самой ночи. Она закрыла глаза на мгновение, позволяя себе эту маленькую передышку, прежде чем день потребует от неё новых решений.

Вспомнив о дровах, она бросила короткий взгляд на поленницу у камина: та оскудела за ночь, теперь от неё осталась лишь горстка поленьев и кучка берёзовой коры, скрученной в сухие спиральки. Этого хватит, чтобы поддержать огонь до вечера, но не больше. А вечером придётся идти в дровницу, что стояла позади дома, замётённая снегом почти под самую крышу, и откапывать вход, и таскать тяжёлые, промёрзшие чурбаки, и колоть их снова, до ломоты в плечах.

Но это потом.

Сейчас, камин гудел уверенно, и в доме пахло смолой, и Элис позволила себе ещё минуту побыть в этом тепле. Минуту, прежде чем подняться, накинуть плащ, взять лампу и выйти в сарай, к тому, что ждало её там, в полумраке, среди обломков стропил и разорванной соломы.

Затем, накинув длинный плащ и захватив лампу, ту самую, что служила ей верным спутником минувшей ночью. Она вышла на крыльцо. Воздух снаружи обжёг лицо, но это был уже не ледяной шквал, не та бешеная, слепящая стена, что встретила её вчера. Теперь это был резкий, почти свежий холод, немного колючий, но уже без той звериной ярости, что пыталась вбить её обратно в дом. Мороз пощипывал щёки, забирался под ворот плаща, и каждый вдох отдавался в груди приятным, бодрящим покалыванием. Ветер стих, превратившись в ленивые, редкие порывы, которые неторопливо перекачивали по двору клубы пушистого снега.

Элис захлопнула за собой дверь и на мгновение задержалась, вглядываясь в знакомые очертания двора. Всё было на своих местах, и в то же время казалось чужим, изменённым бурей: сугробы легли иначе, забор почти полностью исчез под снежной толщей, а старая бочка у стены превратилась в безымянный белый холм. Она поправила лампу в руке и уверенно направилась к сараю, прокладывая путь по свежему снегу. Под ногами хрустело, и этот звук в мёртвой тишине казался оглушительно громким.

Свернув за угол, она замерла перед почерневшей от непогоды дверью. Дерево было старым, рассохшимся, покрытым глубокими трещинами, в которые набился снег, и на фоне белых стен сарая дверь выглядела как тёмный, затянутый провал. Вход в иной мир, где до сих пор лежало то, чего она ещё не успела понять. Элис глубоко вдохнула, чувствуя, как сердце снова забилося чаще, и медленно, почти торжественно, положила ладонь на ледяную ручку.

Осторожно, стараясь не потревожить тишину, приоткрыла сперва на узкую щель, дверь, в которую протиснулся лишь тонкий лучик света от лампы, прочертивший золотую дорожку по земляному полу. Затем, затаив дыхание, чуть шире. Старые петли отозвались сонным скрипом, но не более.

Внутри пахло иначе, чем снаружи. Сложным, многослойным букетом запахов, которые успели улечься за ночь: сухой древесиной старых стропил, тёплым камнем, и едва уловимым металлическим оттенком. Так пахли инструменты, развешанные по стенам. И ещё чем-то новым, незнакомым: терпким, мускусным, с лёгкой ноткой сырости. Запахом самого существа.

Зверёк лежал на том же месте, где Элис его оставила. На груде тёплых одеял, которыми она укрыла его прошлой ночью. Он устроился в ней уютно, свернувшись калачиком. Сейчас он спал. Бока его поднимались и опускались глубоко, не так, как вчера, когда дыхание было прерывистым, болезненным, с присвистом. Теперь оно было спокойным, почти умиротворённым, и время от времени раздавалось тихое, забавное хрумканье. Может быть, во сне он охотился на небесных зайцев, о которых Элис фантазировала вечерами? Или лакомился чем-то, чего не найти на Полюсе, — сочными фруктами, мёдом?

Стонов больше не было.

Элис стояла в дверях, не решаясь войти, и смотрела на него. Свет лампы мягко ложился на чёрную чешую, и та больше не казалась тусклой и безжизненной. В ней проступил глубокий, маслянистый блеск, переливающийся тёмно-синими и фиолетовыми искрами, как северное сияние в безлунную ночь. Гребень на голове чуть подрагивал во сне, а из приоткрытой пасти, усеянной мелкими, пока ещё совсем молочными на вид клыками, вырывалось облачко пара. Значит, внутри него горел собственный, живой огонь.

Элис перевела взгляд на миску. Та самая, старая, с отбитым краем, которую она вчера наполнила остатками вяленой оленины из холодильника и раскрошенным хлебом, — и оставила у самой его морды, почти касаясь чёрных ноздрей. Теперь миска была пуста. Вылизана до блеска, до того безупречного, влажного сияния, какое оставляет после себя лишь очень старательный, очень голодный язык. Ни крошки, ни волоконца мяса, только гладкое, чуть влажное дно, в котором слабо отразился огонёк лампы.

Тихо войдя, стараясь ступать как можно мягче, хотя половицы под ногами всё равно отозвались глухим, протяжным скрипом, она поставила лампу на широкую деревянную полку, и та, разгоревшись ярче, отбросила на стены гигантские, пляшущие тени.

Она подошла к нему. Сердце колотилось с каждой секундой всё быстрее, глухо и требовательно, отдаваясь в висках. Но страх больше не сковывал движений. Вместо него пришло что-то иное: осторожное, трепетное любопытство, смешанное с заботой. Элис неторопливо протянула руку и коснулась его бока, там, где чешуя была мельче и мягче, почти как кожа, только прохладная и удивительно гладкая. Чешуйки не топорщились, не царапали ладонь; они лежали плотно, одна к одной, словно искусно подогнанная кольчуга.

Она стала гладить не спеша, по кругу, боясь надавить слишком сильно. Под ладонью ощущалась упругая, холодная поверхность, а глубже, под ней, угадывались мощные мускулы, скрытые под бронёй. Существо было явно юным, но даже сейчас, во сне, в нём чувствовалась скрытая сила. Сила, которая однажды вырастет и станет чем-то огромным и непостижимым.

Из его приоткрытой пасти с каждым выдохом вырывалось облачко пара. Элис подставила ладонь под это облачко, ожидая тепла, — но пар, попав на её руку, оказался не тёплым, а ледяным. Обжигающе холодным, словно дыхание самой зимы. Она отдёрнула пальцы скорее от неожиданности, чем от боли, и вдруг поняла: он не дрожал теперь не потому, что согрелся. Он уснул, встроив холод собственного тела в холод окружающего мира, как кусок льда, что не тает в ледяной воде, потому что стал с ней одним целым. Он был дитя Полюса. Плоть от плоти этой земли, где даже огонь жизни горел чем-то, чего она пока не могла понять.

— Спи-спи, ты устал, бедненький, — прошептала Элис, продолжая гладить холодную чешую. Голос её звучал тихо, убаюкивающее. Она и сама не заметила, как начала говорить с ним. Говорить так, как говорят с испуганными детьми или ранеными зверьками, когда важны не сами слова, а звук, тепло и присутствие.

Дракон плавно приоткрыл один глаз, золотистый, с вертикальным зрачком, расширившимся в полутьме, затем другой. Веки его были тяжёлыми, ещё полными сна, но во взгляде уже проступало осмысленное, цепкое внимание. Из горла вырывалось негромкое бурчание, похожее на отдалённый раскат грома, когда гроза ещё только подбирается к горизонту.

Он приподнялся на передних лапах, пошатываясь спросонья, и приблизил массивную голову к её руке, целенаправленно подставляя участок за ушами, где жёсткая чешуя сменялась более мягкой, почти бархатистой кожей, усеянной мелкими, едва заметными чешуйками. Элис с улыбкой, всё ещё не веря до конца, в реальность происходящего, принялась осторожно чесать его, после всё увереннее, чувствуя, как под пальцами проступает едва уловимое, ответное тепло.

— Проснулся, милый, — прошептала она, и в её голосе прозвучала такая простая, такая естественная нежность, что она сама удивилась.

Кажется, её тихий голос и уверенные прикосновения растопили последние крохи страха. И не только её собственного, но и его. Дракон вдруг встряхнулся всем телом, резко и мощно, скинув с себя грубое одеяло из мешковины. Движение было таким внезапным, что Элис невольно отшатнулась, но он не нападал. Он поднялся во весь свой внушительный рост, пока ещё не огромный, но уже достаточный, чтобы она вынуждена была задрать голову, пытаясь заглянуть ему в морду. Гребень на его голове приподнялся, чешуя на загривке встопорщилась, но не угрожающе, а скорее, взволнованно, радостно.

А он, вместо того чтобы смотреть на неё сверху вниз, вдруг всем телом прижался к её ногам, плотно, по-кошачьи, начав тереться о её бок. Спинной гребень проехался по плащу, оставляя на грубой шерсти едва заметные бороздки. Его мурлыканье стало громче, и теперь это был уже не отдалённый раскат, а настоящая низкая вибрация, что наполнила сарай от пола до потолка счастливая, почти музыкальная, проникла в грудь Элис, отозвалась в костях. Затем он и вовсе подпрыгнул на месте, неловко и тяжело, по-щенячьи, и по деревянному полу прошёлся гулкий стук когтей. Пыль взметнулась, лампа на полке качнулась, и тени на стенах заплясали, как безумные.

Элис негромко рассмеялась, чуть удивившись самой себе, и смех этот прозвучал впервые за долгое, очень долгое время. Он вырвался из груди неожиданно, легко, как птица, которую она и не думала выпускать, и растаял в морозном воздухе сарая маленьким облачком пара.

— Ха-ха-ха, щекотно же! — рассмеялась Элис, отшатнувшись от натиска чёрной, блестящей громадины. Дракон, казалось, совершенно не осознавал своих размеров и тёрся об неё с такой неуёмной, щенячьей радостью, что она едва устояла на ногах. — Ты чего такой игривый-то? Ну, хватит, хватит!

В ответ дракон дружелюбно прорычал. Звук был низким, kloкочущим, похожим на далёкий камнепад, — и, не дав ей опомниться, провёл своим длинным, шершавым языком по её правой руке, от запястья до самого локтя. Язык был горячим и шероховатым, как кошачий, но крупнее и грубее; он оставил на коже влажный, быстро остывающий на морозе след.

— А вчера, — сказала она, вытирая руку о плащ и всё ещё улыбаясь краешком губ, — ты ко мне не так доверчив был. Лежал, дрожал, стонал. Думала... Всё, не жилец. А ты вон какой...

Дракон, словно поняв её слова, послушно сел на задние лапы, выпрямился, став почти вровень с ней, и высунул тёмно-синий, почти чёрный раздвоенный язык, подрагивающий в такт дыханию. Его умные глаза внимательно следили за каждым её движением, за каждой тенью на лице, и в их золотистой глубине читалось не просто любопытство, а что-то большее. Словно он ждал чего-то. Или кого-то.

Элис перестала улыбаться. Она смотрела на него: юного, сильного, полного жизни, и в груди размеренно прорастал вопрос, который она не решалась задать вслух.

— А где же твой хозяин, милый? — спросила она, наконец, тихо, почти про себя, и её нежный голос дрогнул на последнем слове.

Взгляд дракона потух.

Золотистые зрачки померкли, словно солнце зашло за тяжёлую тучу, веки прикрыли их, и вся голова опустилась вниз, почти коснувшись подбородком земляного пола. Из груди его вырвался тоскливый вой. Негромкий, сарай не содрогнулся, половицы не заскрипели, — но до того отчаянно одинокий, что у Элис перехватило дыхание. В этом звуке не было ни злости, ни угрозы; только глухая, бездонная печаль, которая не нуждается в словах, потому что говорит сразу с душой.

Элис замерла. Рука её сама потянулась к его голове и легла на прохладный лоб. Она ничего не сказала, слов всё равно бы не нашлось. Просто стояла рядом, чувствуя, как под ладонью тягуче вздымается и опускается живое, дышащее существо, потерявшее что-то — или

кого-то до того родное и близкое, — без чего жизнь стала вот такой: вой в пустом сарае, на краю света, где даже бури ненадолго затихают.

— Ой, ну что ты, что ты, — засуетилась Элис, снова протягивая руку, чтобы утешить его. Ладонь легла на холодный лоб, пальцы пробежались по надбровным дугам, и она почувствовала, как дрожь постепенно утихает под её прикосновениями. — Всё хорошо, я же здесь. Ну чего ты, маленький... Большой. Пошли в дом! Там, у камина, намного теплее. Хочешь погреться?

Слово «греться», кажется, что-то отозвалось в нём. Может быть, воспоминание о чём-то давнем, утраченном, или просто обещание уюта, которого он уже не знал давно. Дракон поднял голову, сильно тряхнул ею, сбрасывая невидимую печаль, как собака стряхивает с себя воду. Гребень на загривке встопорчился и снова опал. Он взглянул на Элис уже иначе: доверчиво, выжидающе. И когда она развернулась и шагнула к выходу из сарая, он бодро тронулся за ней следом. Его когти осторожно переступали среди обломков стропил и разбросанной соломы, и он чутко прислушивался к её шагам, стараясь повторять тот же ритм, и ту же осторожность.

На первом этаже, прямо на полу возле жарко пылающего камина, Элис постелила старое стёганое одеяло. То самое, с выцветшим синим узором, что когда-то сшила ещё мать. Сверху набросала несколько овечьих шкур. Шкуры были густые, с длинным ворсом, пахнущие дымом и домом. Она разложила их с особой тщательностью: одну под бок, другую под голову, третью на самый край, чтобы можно было в неё зарыться носом. Дракон, войдя в дом, сперва замер на пороге гостиной, приняхиваясь. Его ноздри, узкие и подвижные, трепетали, втягивая воздух: запах горячей берёзы, старого дерева, вяленого мяса из кладовки и, главное, запах самой Элис. Он обошёл комнату настороженным кругом, обнюхал каждый угол, каждую балку, даже зачехот лизнул ножку кресла, и, убедившись в безопасности, радостно рухнул на приготовленное ложе.

Он улёгся, вытянулся во всю длину, так что хвост ещё остался лежать на голом полу, и шумно, почти по-человечьи вздохнул. А затем, как щенок, принялся кружиться на месте, утапывая шкуры под себя: раз, другой, третий. Пока овчина не легла точь-в-точь по форме его тела. Он устроился идеально, боком к огню, чтобы тепло падало на всю длину его чёрного, поблёскивающего бока. Чешуя, ещё недавно холодная, как лёд, теперь едва заметно нагрелась, и от неё пошёл лёгкий парок, словно сам холод внутри него начал сдаваться, отступая перед живым, трескучим теплом камина.

Элис стояла рядом, скрестив руки на груди, и смотрела на эту картину с чувством, которое не могла до конца описать. Её дом, тихий, пустой, привычный дом, вдруг перестал быть пустым. И тишина в нём теперь была не гнетущей, а иной: наполненной мерным дыханием, хрумканьем во сне и мягким светом огня на чёрной чешуе.

— Давай тебя кормить, — сказала Элис, наблюдая за этим с улыбкой. Она ушла на кухню. — Что ты будешь у меня? — крикнула она, открывая массивную дверцу кладовки.

Спустя пару минут она вернулась из кухни, держа в руках миску с отбитым краем, которую наспех вымыла ледяной водой из ведра. В миске лежали остатки тушёной оленины с перловой крупой: мясо истекало густым, пряным соком, а крупинки крупы поблёскивали в свете камина, словно крошечные жемчужины. Поставив миску перед драконом, Элис отступила на шаг из интереса. Всё-таки она ещё не знала, как он принимает пищу.

Но дракон не стал, есть с пола, как обычный зверь. Он поднял голову, склонил её набок, разглядывая угощение с почти человеческим любопытством, а затем перевёл взгляд на неё. Элис, сама не зная почему, зачерпнула пальцами кусок мяса и, чуть поколебавшись, подбросила его в воздух. Дракон ловко, одним молниеносным движением, поймал его в пасть, челюсти щёлкнули, и через пару секунд кусок исчез, будто его и не было. Он сглотнул за милую душу и снова уставился на неё, явно ожидая продолжения игры.

А затем совершил нечто неожиданное. Он пружинисто подпрыгнул, несмотря на свой внушительный вес, — и легонько толкнул её грудью, едва не сбив с ног. Отпрянул, припал на передние лапы, вытянув шею вперёд и задрав хвост, принялся «дразниться». Делал резкие выпады влево, потом вправо, замирал на мгновение, припадая к полу, и снова отскакивал, виляя задом, как готовящийся к игре щенок. Только щенок этот был размером с небольшой шкаф, а его хвост при каждом взмахе сшибал со стола пыль. Глаза его горели золотистым, весёлым огнём, и в них плясали отблески камина.

Но самое поразительное случилось дальше. Он вдруг оттолкнулся от пола всеми четырьмя лапами и взмыл вверх. Расправил огромные, перепончатые крылья, о существовании которых Элис до этого момента только догадывалась. Крылья были широкими, с тонкой, почти прозрачной мембраной, натянутой между длинными костяными пальцами, и цветом были тёмно-серые, с едва заметными фиолетовыми прожилками. Он взлетел под самые потолочные балки, едва не задев их гребнем, и там, в полумраке, совершил в воздухе стремительный кульбит. Ловким движением перевернулся через спину с грацией, невозможной для такого крупного существа, а затем мягко, почти бесшумно приземлился в центре комнаты. И тут же, словно застеснявшись собственной смелости, прикрыл морду обоими крыльями, спрятавшись за ними, как ребёнок, играющий в прятки. Только кончик хвоста, нервно подрагивающий, и выглядывал из-под перепончатого укрытия.

Элис стояла, прижав руки к груди, чувствуя, как сердце колотится где-то у самого горла. Не от страха, а от какого-то нового, щемящего, почти болезненного счастья. Она громко рассмеялась, и смех её разнёсся по старому срубу, отражаясь от стен и смешиваясь с треском огня.

— Ты мне что-то сказать хочешь, друг? — улыбнулась Элис, очарованная этим представлением.

Она осторожно подошла ближе. Дракон встряхнулся, сбросив крылья, и вдруг принялся ласково бодаться головой, тычась холодной мордой в её живот и грудь, чуть вновь не сбивая с ног своей нежной силой. После отступил на несколько шагов. Он поднял голову, набрал воздуха, раздув бока, и дунул.

Из его пасти вырвалась плотная, сверкающая полоса ледяного воздуха. Она была почти осязаемой, словно струя жидкого серебра, что со свистом пронеслась через всю гостиную. На мгновение в комнате стало ощутимо холоднее, пламя в камине дрогнуло и припало к поленьям, а тени на стенах испуганно заметались. Струя метко ударила в окно, и растекалась по стеклу, мгновенно схватываясь на морозе. Но не просто застыла бесформенной коркой. Там, где ещё секунду назад был хаотичный иней, теперь проступил иной, осмысленный узор, словно нарисованный невидимой рукой.

Дракон замер, приоткрыв пасть, из которой ещё курился лёгкий морозный парок. Он смотрел на Элис, слегка наклонив голову, и в его золотистых глазах читалось явное, нетерпеливое ожидание. Хвост его нервно трясся, а крылья, всё ещё полураскрытые, чуть подрагивали, словно он едва сдерживал себя, чтобы не подтолкнуть её поближе к окну. Он не дышал огнём. Нет, пламя было ему чуждо. Дракон дышал морозом. Сама суть его была не в разрушении жаром, а в созидании холодом. И вот, прямо сейчас, он создал нечто, предназначенное для неё.

Элис, замороженная, подошла к окну вплотную. Сердце её теперь билось часто, а дыхание затуманивало стекло снизу, мешая разглядеть детали. Лёгким движением правой ладони она стёрла часть нижнего узора, чтобы лучше рассмотреть то, что сияло в центре. Ладонь обожгло холодом, но она даже не поморщилась. Всё её внимание было приковано к стеклу. Рисунок был похож на карту.

Линия берега, изрезанная, знакомая по отцовским наброскам. Россыпь точек, напоминающих гряду торосов, где лёд встаёт дыбом, ломаясь о невидимые подводные скалы. Вот извилистая тропа, уходящая куда-то вглубь материка, а в самом центре, рядом с группой особенно детально прорисованных елей, склонённой под тяжестью снега, был нанесён маленький крест.

Элис стояла, не в силах отвести взгляд. Она знала, как выглядят ели: по картинкам в отцовских книгах, по сказкам, которые писала мать. И этот крест... Он был не случайным. Он что-то означал. Что-то, что дракон, этот странный, неведомый зверь хотел ей показать. Что-то, ради чего он, быть может, и появился здесь, на краю света, рухнув сквозь крышу её старого сарая.

— Хм, интересно, — прошептала она, ведя пальцем от креста по «тропинке» из звёздочек к краю ледяной карты. — Ты хочешь, чтобы я с тобой туда отправилась?

Дракон, не отрывая от неё золотистого взгляда, плавно и торжественно кивнул тяжёлой головой.

— Но я ведь даже не знаю, где это, милый, — возразила Элис, обернувшись к нему. — Да и ветра, какие сейчас... Тебе прямо сильно надо?

Он опустил голову, вздохнул, выдохнув облачко ледяной пыли, а затем подошёл и снова принялся бодать её плечо, настойчиво и жалостливо.

— Ладно, хорошо, — сдалась она, почесав его за ухом. — Я полечу с тобой. Но сначала нам нужно подготовиться для, возможно, длительного перелёта. Я, конечно, не боюсь новых приключений, да и скучно мне бывает здесь одной... Но знай, дракоша, — она посмотрела ему в глаза, — я ещё никогда не летала.

Дракон на этот раз весомо кивнул. В этом движении была вся серьёзность обещания. Не просто согласие, не просто понимание, а что-то большее. Клятва. Клятва, скреплённая его существом.

«Будет аккуратно», — говорил этот кивок. «Ты просила — я запомнил. Ты боишься за меня, я не подведу».

Его золотистые глаза смотрели на неё с той особой, почти человеческой теплотой, которую она уже начинала узнавать, и в глубине зрачков плясали крошечные искорки, холодные, как свет далёких звёзд.

Затем он плавно развернулся к ней боком, стараясь не задеть ни лампу, ни шаткую поленицу у стены. И носом ткнул в одну из кожаных сумок на своей упряжи. Сумка была небольшая, потёртая, с выцветшими от времени и непогоды медными заклёпками; ремешок, стягивающий её горловину, давно потерял прежнюю эластичность и держался на честном слове да на старом, заскорузлом узле. Элис наклонилась, чувствуя, как холод, исходящий от драконьей чешуи, касается её щеки, и осторожно, чтобы не повредить, расстегнула потёртый ремешок. Её пальцы, ещё не утратившие утренней чуткости, нырнули чуть внутрь, почти сразу наткнулись на плотный свёрток.

Она вытащила его на свет. Свёрток был аккуратным, почти любовно сложенным: несколько слоёв вощёной ткани, пропитанной чем-то смолистым, придававшим ей водоотталкивающие свойства и лёгкий, едва уловимый аромат хвои. Поверх ткани его перевязывал тонкий кожаный шнурок, завязанный хитрым, незнакомым узлом, словно пришедшим из другого мира. Свёрток был тяжёлым, и в руке лежал так, явно храня внутри нечто важное. Нечто, предназначенное не для случайных глаз.

Он напоминал послание. Весть, переданную через время и расстояние, через бурю и ледяную пустошь. И Элис, держа его в ладонях, вдруг почувствовала, как в груди поднимается странное, тревожное предчувствие. То самое предчувствие, что заставляет всё тело дрожать внутри, словно она стоит на пороге чего-то, что изменит всё.

— А-а, так тебе письмо нужно кому-то передать, — догадалась она, доставая свёрток. — Так бы сразу и сказал, загадочный ты мой.

Дракон издал короткое, одобрительное урчание.

— Ладно, — вздохнула Элис, пряча письмо во внутренний карман своей безрукавки. — Давай согревайся тут, как следует. А я пошла, собирать вещи. Приключения, значит... Ну что ж, давно пора.

И, бросив последний взгляд на ледяную карту в окне, она направилась к лестнице, в голове уже составляя список необходимого: тёплые вещи, еда, верёвка, фляга... И самое главное: побороть лёгкий, щекочущий живот трепет перед первым в жизни полётом.

Глава 3.

Полярный свет, отражённый от бескрайней снежной глади, слепил глаза. Элис пришлось прищуриться, заслонившись ладонью, чтобы разглядеть что-либо дальше собственных ног. Солнце висело низко над горизонтом, зажигая миллиарды алмазных искр в снегу.

Они стояли на огромном замёрзшем озере, что лежало у подножия её горы. Чтобы добраться сюда, нужно всего лишь аккуратно спуститься по знакомому, сглаженному ветрами склону, где каждый камень был известен наперечёт, и пройти триста метров по ровному, как стол, снежному насту. Путь, который она проделывала каждое воскресенье, с удочкой в одной руке и ведёрком для наживки в другой, когда нужно было пополнить запасы рыбы. Путь, знакомый до последнего поворота, до каждого хруста под ногами.

Но сегодня всё было иначе.

Озеро, обычно серое и неприметное под низким небом, теперь сияло ослепительной, почти болезненной белизной. Вчерашняя буря вылизала лёд до зеркального блеска, смела с него снежную пыль, и теперь он отражал скупое полярное освещение с такой яростью, что приходилось щуриться. Ветра не было. Тишина стояла такая глубокая, что, казалось, её можно потрогать, и в этой тишине каждый звук множился, отражаясь от ледяного простора.

Дракон стоял рядом, огромный и чёрный на ослепительно-белом фоне. Он казался куском самой ночи, вырезанным и брошенным посреди дня, величественным, пугающим в своей красоте. Он заворожённо, не отрываясь, смотрел на неё. Его золотистые глаза, суженные на ярком свете в тонкие вертикальные щёлочки, ловили каждую её эмоцию, каждую тень, пробежавшую по лицу, каждый вздох, каждое движение ресниц. Из приоткрытой пасти с каждым ровным, спокойным выдохом вырывалось плотное облачко пара.

Он ждал. Не торопил, не подталкивал, не издавал ни звука. Просто стоял, как изваяние, позволяя ей самой решиться. И в этой тишине, нарушаемой лишь тихим поскрипыванием льда под ногами да далёким, едва слышным стоном просыпающейся где-то за горизонтом бури, было слышно, как бьётся её собственное сердце. Громко, часто, на грани страха и предвкушения.

Элис сделала шаг навстречу, преодолевая последнюю робость. Затем ещё один. И ещё. А потом прижалась к его холодной чешуе, всем телом, как прижимаются к скале в шторм, ища опоры. Она обняла мощную шею, ощутив под пальцами упругие, перекачивающиеся мускулы, скрытые под бронёй чешуек, и принялась круговыми движениями, успокаивающе гладить. Больше для себя, чем для него. Ладонь скользила по прохладной, гладкой поверхности, и с каждым движением страх отпускал, таял, уступая место чему-то тёплому, почти родному.

Дракон не шелохнулся. Лишь веки дрогнули, и из горла вырвался низкий, вибрирующий звук, что-то среднее, похожее на мурлыканье, усиленное тысячекратно. Лёд под ногами чуть заметно задрожал в ответ.

— Ну что, милый. Давай попробуем с тобой полетать...

Голос её дрогнул, но решимость была сильнее. Она отошла на десять метров, встала к нему спиной, будто проверяя себя. Из сумки достала кусок вяленой оленины, обернулась в пол-оборота и метко швырнула его высоко в воздух, в сторону дракона. Тот сорвался с места, и в следующее мгновение уже был в воздухе. Его тело изогнулось с грациозной силой, челюсти щёлкнули, ловя добычу на лету. Он приземлился на левое крыло, слегка проскользив по насту, и, громко хрустя, проглотил мясо за два счёта.

Резко встряхнулся и ринулся к ней. Не останавливаясь, он мотнул головой вверх, чёткий, отработанный сигнал. Инстинкт сработал быстрее мысли. Элис оттолкнулась, сделала сальто назад и приземлилась на его спину, чуть впереди крыльев, с глухим ударом о холодную чешую. Руки сами вцепились в ремни упряжи, а ноги она судорожно засунула в странные стремена.

Дракон, не дожидаясь команды, рванул с места. Элис от неожиданности взвизгнула, но звук потерялся в свисте ветра. Существо будто не услышало. Оно мчалось по льду, набирая скорость, и мир вокруг превратился в ослепительную белую полосу. В животе у неё защемило, закружилась голова. То ли от страха, то ли от невероятного восторга. Потом толчок, и лёд ушёл из-под них. Он взлетел.

Она почувствовала, как что-то невесомое и жгучее щекочет внутри. Чистая, пьянящая свобода. Та самая, о которой она читала в отцовских сказках, но которой никогда не знала здесь, на земле, в оковах вечной мерзлоты и привычных маршрутов. Воздух лезвием кинжала бил в лицо, вырывая слёзы из глаз, и слёзы эти тут же застывали на щеках мелкими ледяными бисеринками. Дракон взмывал всё выше, каждый взмах его мощных крыльев отдавался в её теле глубоким, ритмичным гулом. Голова Элис откинулась назад, капюшон сорвало ветром, и волосы разметались по сторонам. Она увидела, как её дом, крошечная тёмная точка на вершине горы, быстро уплывает вниз, превращаясь в муравьиную крупинку, а затем и вовсе исчезая среди бескрайней белизны. Она вжалась в дракона, обхватив его шею так крепко, что пальцы заныли, а костяшки побелели. Но даже эта боль не могла перебить восторга, бурлившего в крови.

И в тот миг, когда они достигли вершины дуги, когда полёт замедлился на какую-то долю секунды, и показалось, будто они зависли между небом и землёй, нога Элис, не до конца закреплённая в стремени, выскользнула. Баланс был потерян в одно мгновение. Пальцы, цеплявшиеся за ремень, соскользнули, не в силах удержать вес тела. Из-за чего полный неверия выдох сорвался с её губ, и она соскользнула с его спины.

Тишина. На миг, лишь, пронзительный свист в ушах. Всё звуки исчезли, поглощённые скоростью. А потом земля устремила её навстречу с душераздирающей, неумолимой скоростью. Ветер вырвал крик из горла раньше, чем она успела его издать.

Дракон, ощутив внезапную лёгкость на спине, замер в полёте. Крылья его продолжали взмахивать, но уже медленнее, тело ещё не осознало случившегося. Он обернулся, выгнув гибкую, длинную шею назад, и его золотистые глаза расширились от осознания. Седло опустело. Ремни болтались на ветру, хлопая по чёрной чешуе, а Элис, его Элис не было. В груди его вырвался резкий звук, похожий на тревожный гудок, полный ужаса, которого никто никогда раньше не слышал.

Не раздумывая ни секунды, он сложил крылья и камнем ринулся вниз. Тело его, обтекаемое и мощное, врезалось в ледяной воздух, как снаряд; ветер свистел вдоль роговых пластин и гребня, но он не замечал ничего. Его зрение, острое как у ястреба, выхватило из белизны стремительно растущий силуэт, тёмную точку на фоне снега, что с каждой секундой становилась всё ближе, и всё отчётливее. Расчёты заняли доли секунды, те, что не требуют раздумий. Он точно дунул, словно выстреливая из невидимого орудия. Из его пасти вырвалась полоса ледяного воздуха. Она ударила в снег перед падающей Элис, и на глазах, словно по волшебству, взметнулась, выросла и плавно изогнулась гладкая, крутая ледяная горка. Идеальный жёлоб, сотканный из самого мороза.

Элис, зажмурившись от ужаса, вдруг почувствовала, что падение сменилось плавным скольжением. Вместо удара о твёрдый лёд, она коснулась гладкой, холодной поверхности, что приняла её. Телом приземлилась на самый гребень импровизированной горки, пронеслась по ней с ветром, не в силах ни за что ухватиться, и вылетела на ровный лёд. Несколько раз кувыркнувшись, перевернулась, и наконец, упала на спину, инстинктивно прикрыв лицо руками. Дыхание вышибло из груди, перед глазами всё поплыло, но, она была жива.

Прежде чем она успела перевести дух, над ней нависла тень. Дракон приземлился рядом с ней через мгновение, подняв тучу снежной пыли. Его бока тяжело вздымались, в золотистых глазах плескался откровенный, ничем не прикрытый ужас. Он наклонился над ней, заслонив

собою небо, и издал жалобный скулёрж, такой искренний, что у Элис, ещё не успевшей отдышаться, защипало в носу.

Он приник к ней, издавая непрерывное, виноватое мурлыканье, и принялся облизывать её руки и лицо шершавым, холодным языком, сгоняя снег и испуг.

Элис села, отплёвываясь. Всё тело ныло от удара и адреналина. Она недовольно посмотрела на него, но в её взгляде уже не было гнева, лишь укор и сбитое дыхание.

— Дракоша! — выдохнула она, отстраняя его морду. — Я же тебе сказала, что впервые летаю. Ты чуть меня не угробил!

Она с трудом поднялась, отряхивая с плаща ледяную крошку. Дракон смотрел на неё, прижав уши, весь его вид выражал раскаяние.

— Ладно, — смягчилась она, погладив его по шее. — В следующий раз давай не так высоко и не так резко. И погоди... — её взгляд упал на потрёпанную упряжь. — Мне нужно улучшить твоё снаряжение. Где-то в кладовке у меня была добротная кожа. Надо сделать тебе руль покрепче, перешить эти стремяна. И решить вопрос с освещением. Когда придут новые бури, в этой тьме летать будет невозможно.

Дракон, слушая, наклонил голову. Затем, будто поняв суть проблемы, медленно закрыл глаза. Наступила секунда тишины. И когда он их открыл, из огромных золотистых зрачков хлынул яркий, холодный свет, похожий на свет мощных фар. Он осветил всё озеро вокруг, выхватив из сумерек каждую льдинку. Затем дракон снова закрыл глаза, и свет мгновенно погас, оставив после себя лишь цветные пятна в глазах Элис.

Она замерла, впечатлённая. Потом рассмеялась, с облегчением.

— Хорошо, — сказала она, окончательно отряхиваясь. — Значит, вопрос только со снаряжением. А со светом ты, я смотрю, уже родился готовый. Пойдём, конструктор. Нужно тебя переоснастить, прежде чем мы куда-то полетим снова.

И, слегка прихрамывая, но с новой решимостью в глазах, она повела своего виновато мурлыкающего дракона обратно вверх по склону, к дому, который теперь стал ещё и мастерской.

Ветер уже завывал за стенами с новой силой, и его голодный вой пробивался даже сквозь толстые, просоленные морозом брёвна дома. Он сотрясал ставни и гремел печной заслонкой так, будто пытался пробраться внутрь любой ценой. Буря, казалось, оправилась от короткой передышки и возвращалась с твёрдыми намерениями. Снежные заряды ударяли в окно с такой силой, что стёкла жалобно дребезжали, а сквозь морозные узоры больше не пробивалось ни лучика света. Снаружи воцарилась кромешная тьма. Стон ветра то взвивался до пронзительного визга, то падал, захлёбываясь в низком, утробном гуле, и тогда казалось, что сам дом вздрагивает, принимая на себя удары невидимой стихии. Но теперь всё было иначе. В камине гудел огонь, отбрасывая на стены золотистые, пляшущие тени. На старом стёганом одеяле, свернувшись калачиком, лежал дракон, дышащий морозом, но такой тёплый в своей живой, преданной близости. Элис сидела рядом, поджав ноги, и смотрела то на него, то на бушующую за окном белую круговерть. И впервые за долгое время вой бури не отзывался в её груди тупой тоской. Теперь это был просто шум. Фон. Голос мира, который остался где-то снаружи, пока внутри, у огня, билось два сердца — её и его.

Элис сидела, скрестив ноги, на овечьей шкуре перед камином. Огонь гудел ровно, убаюкивающее, отбрасывая на её склонённое лицо тёплые, золотистые блики, а за окном по-прежнему завывала буря, но теперь этот вой казался далёким, почти нереальным, прямо как воспоминание о чём-то, что осталось в прошлой жизни. В руках у неё была старая, потрёпанная упряжка, которую она сняла с дракона после их первого, едва не ставшего роковым полёта. Кожа на ремнях потрескалась, пряжки проржавели, а швы, прошитые незнакомой рукой, давно истончились и грозили разойтись в любой момент. С этим нужно было что-то делать. И Элис делала.

Она полностью переделала упряжь, сплетя из прочных кожаных ремней, тех, что хранились в отцовском сундуке ещё с незапамятных времён. Новую, более удобную и надёжную систему. Работа заняла около шести часов усердного труда. Пальцы её, привычные к шитью и вышиванию, справлялись ловко: где нужно, прошивали двойным швом, где нужно, пробивали отверстия для новых пряжек, где нужно, смягчали края, чтобы ремни не натирали драконью чешую. Всё это время дракон не сидел на месте. Он сновал по комнате, то и дело, проходя мимо камина туда-сюда, туда-сюда, — и каждый раз, оказываясь рядом с ней, на мгновение замирал, заглядывал через плечо, шумно вдыхал воздух и шёл дальше, проверяя, всё ли в порядке. Его когти тихо цокали по деревянному полу, хвост то и дело задевал ножку стола, а крылья, сложенные на спине, чуть подрагивали в такт какому-то внутреннему ритму.

Особое внимание Элис уделила стременам. Она смастерила жёсткие стремена, укреплённые изнутри тонкими металлическими пластинами, с регулируемыми петлями и дополнительным фиксирующим ремешком. Нога в таком стремях не выскочит даже при самом резком манёвре, даже если дракон вдруг решит перевернуться в воздухе. Она проверила крепления раз, другой, третий, дёргая их с такой силой, что кожа на костяшках натянулась и побелела.

Вторым её творением стал руль. Целая система из двух прочных рукоятей, прикреплённых к основным ремням на шее дракона. Рукояти были обмотаны мягкой, выделанной кожей, чтобы не скользили в ладонях, и соединялись с поводьями через хитрую систему колец и карабинов, позволяющую натягивать их по отдельности или вместе. Теперь она могла не просто держаться, но и направлять дракона, как наездник направляет лошадь, только в трёх измерениях, потому что небо, не земля, и здесь нет готовых троп. Она представила, как потянет левый повод, и дракон повернёт влево; правый, и он уйдёт вправо; оба сразу, и он замедлит полёт. От этой мысли по телу пробежала тёплая, щекощущая волна предвкушения.

Элис отложила готовую упряжь, потянулась, разминая затёкшие плечи, и взглянула на дракона. Тот как раз в очередной раз проходил мимо камина и, заметив её взгляд, остановился, склонил голову набок и издал тихое, вопросительное бурчание.

— Ну что, — сказала она, и её нежный голос прозвучал в полумраке комнаты тепло и уверенно, — завтра повторим? Только теперь, с обновкой.

Дракон игриво подбежал к Элис и принялся тереться своим широким лбом об её ноги. Он делал это с той неуклюжей, щенячьей настойчивостью, которая совершенно не вязалась с его внушительными размерами, и всем своим трёхсоткилограммовым весом, сдерживая силы. Она чувствовала это по напряжённым мускулам, по осторожным, выверенным движениям. Так он подвинул её на добрый метр назад, пока она не упёрлась спиной в край обеденного стола. Затем отскочил, припал на передние лапы и принялся вилять хвостом по-собачьи, так что кончик хвоста, увенчанный небольшим костяным наростом, выбивал по половицам частую, дробную чечётку.

— Ну, хватит, хватит, — отмахнулась Элис, всё ещё улыбаясь, но уже косясь на камин.

От огня в комнату расходилось живое тепло, но сам он заметно угасал. Языки пламени, ещё недавно плясавшие высоко и жадно, теперь припали к углям, лизали их робко, неуверенно, и по гостиной поползли длинные тени. Элис вздохнула, подошла к камину, взяла с поленицы три смолистых берёзовых полена, и подкинула их в очаг. Огонь встрепенулся, обнял древесину, затрещал веселее, и тени отступили обратно по углам.

Но дракон, кажется, не был удовлетворён количеством уделяемого ему внимания. Он подошёл к Элис снова и, тихо скуля, почти по-детски, принялся бодаться головой в районе её живота, теперь уже с удвоенной силой. Холодный лоб упёрся в шерстяной свитер, и от прикосновений по телу Элис побежали волны щекотки. Она пошатнулась, отступила на шаг и рассмеялась, ощущая, как это забавное, огромное существо тычется в неё мордой, требуя ласки.

— Ах, ты ж!.. — выдохнула она сквозь смех, пытаясь отодвинуть его голову руками, но куда там. — Щекотно же, прекрати!

И в этот самый миг, когда дракон на секунду замер, довольно прищутив золотистые глаза, Элис заметила грязь. Её новый питомец был сильно грязный, покрытый целыми сгустками засохшей слякоти, что свалилась в его чешуе и редкой шерсти, росшей вдоль позвоночника. По её наблюдениям, он не мылся, по меньшей мере, неделю. Может, больше. В складках чешуек застряли кусочки соломы, на боку темнело какое-то маслянистое пятно неизвестного происхождения, а кончик хвоста и вовсе был покрыт коркой из спрессованного снега, пыли и бог весть чего ещё.

— Так, дракоша, — сказала Элис, и голос её внезапно приобрёл ту самую строгую, материнскую интонацию, которую она сама в себе не подозревала. — Перед тем как мы с тобой поужинаем и ляжем спать, тебе, мой дорогой, надо помыться.

Услышав слово «помыться», чёрное существо замерло. Хвост его, только что весело молотивший по полу, безвольно опал. Он поднял голову, взглянул на неё с выражением глубокого, вселенского недоумения, а затем издал протяжный, жалобный стон, и опустил голову почти до самого пола, явно не понимая, что его ждёт, но уже заранее протестуя против этого.

Элис же сложила руки на груди, приставила указательный палец к подбородку и задумалась. Полотенца у неё было не так уж много, в основном старые, и то, служили ей годами, каждое было на счету. А найти такое, чтобы вытереть трёхсоткилограммового дракона? Та ещё задача. Она перебрала в уме всё своё скромное хозяйство: два маленьких, для рук; одно среднее, для кухни; и ещё...

— Хорошо, — сказала она, наконец, кивнув каким-то своим мыслям. — Иди за мной.

Элис решительно направилась на второй этаж, и дракон, всё ещё недоумевающий, но послушный, потянулся за ней следом. Ступени жалобно скрипели под его весом, когти цокали по дереву, а хвост волочился позади, собирая с пола несуществующую пыль. Она вошла в свою комнату, открыла старый, рассохшийся шкаф и принялась аккуратно, одну за другой, вынимать вещи. В обе руки она брала одежду: свитера, рубахи, тёплые чулки, и бережно, чтобы не помять, складывала их на пол. Каждая вещь была на своём месте, каждая хранила память о чём-то: вот этот свитер отец привёз с Большой земли, вот эти чулки мама связала ещё до своего отъезда, вот эта рубаха...

Прошло минуты три, а может, и больше, прежде чем она добралась до самого дна. И там, аккуратно сложенное, лежало оранжевое полотенце, а в самой его середине, вышитая крупными, яркими нитками, красовалась надпись «Murka». Самое ценное полотенце для Элис. Мама сшила его, когда ещё была с ними рядом, своими руками, из мягкой, впитывающей ткани, которую отец привёз откуда-то издалека. Надпись она вышивала долгими вечерами, сидя у того самого камина, где сейчас дремал огонь, и напевала себе под нос какую-то тихую, колыбельную мелодию. От полотенца всё ещё исходил едва уловимый, родной запах чего-то более глубокого, что не выветривается годами.

Элис провела пальцами по вышитым буквам, и на мгновение лицо её смягчилось, ушло куда-то в прошлое. Но лишь на мгновение. Она встряхнула головой, оставляя воспоминания позади, и осторожно перевела взгляд на дверь.

Из-за угла, едва помещаясь в проёме, возникала часть головы дракона. Он не решался войти полностью, просто стоял в коридоре, и заглядывал в комнату одним золотистым глазом, расширенным от любопытства и смутной тревоги. Он размеренно дышал, и из его приоткрытой пасти вырывались короткие облачка ледяного пара, пытаясь понять, что вообще сейчас происходит. То и дело он выглядывал из-за угла, затем снова прятался, затем опять выглядывал. В этих движениях было столько комичной, почти человеческой нерешительности, что Элис с трудом подавила улыбку. Каждую секунду он переживал: что сейчас с ним будет? Куда она его ведёт? И почему пахнет этим странным, тревожным словом «помыться»?

Тем временем Элис аккуратно, одну за другой, сложила все вещи обратно в шкаф. Точно так, как они лежали прежде. Полотенце «Murka» она перекинула через руку и, с лицом генерала, ведущего войска в решающую битву, спустилась на первый этаж. Там она развернулась, посмотрела на дракона, всё ещё жмущегося к лестнице, и властно махнула рукой:

— Не бойся, мой хороший. Это просто вода. Пошли.

И повела его в ванную.

В ванной было намного прохладнее, чем в зале. Здесь не горел камин, не потрескивали поленья, и единственным источником света служили те самые лампы. Холод просачивался сквозь стены, сквозь пол, сквозь заиндевевшее окошко под самым потолком, и вода в большой чугунной ванне была ледяной, которую приходилось греть по несколько часов, прежде чем можно было в неё погрузиться. От воды поднимался лёгкий, прозрачный парок, но пар этот был холодным, и в воздухе стоял тот особенный, свежий запах, какой бывает только у талой ледниковой воды.

Элис приказала дракону оставаться тут. Её голос прозвучал мягко, но с той непреклонной уверенностью, которой она сама в себе ещё недавно не подозревала:

— Жди тут, я сейчас. Только за дровами и спичками схожу, просто нам печь растопить надо? Ты же понимаешь? Чтобы вода горячая была. Без этого никак.

Дракон послушно сел на холодный деревянный пол и проводил её взглядом до того момента, когда дверь за ней закрылась, и осталась узкая щель. Теперь он остался один. В тишине. В полумраке. В незнакомой, маленькой комнате, где всё пахло чуждо и странно.

Он молча кинул взгляд на приоткрытую дверь, где только что исчезла его единственная опора в этом мире, и тихо, едва слышно вздохнул. Затем перевёл взгляд на ванну, и вода в ней казалась бездонной, как омут. Дракон наклонил голову набок, потом на другой, разглядывая это странное, неподвижное существо. Оно просто лежало и молчало.

Осторожно, шаг за шагом, он подошёл ближе. Передними лапами встал на край ванны, крепко вцепившись когтями в холодные доски, проскрежестав по ним, оставив тонкие, белые царапины.левой конечностью он едва-едва провёл по верху воды, самыми кончиками когтей. По поверхности побежали широкие и плавные круги, расходящиеся во все стороны. Дракон, замороженный замер. Ему нравилось, как рождаются и исчезают эти большие волны, как они отражают свет лампы, как тихо плещутся о края ванны. Он провёл лапой снова. И снова. И снова. Это было почти медитативно, наблюдать за движением воды, не понимая её природы, но чувствуя её странную, завораживающую красоту. И всё же он боялся подходить ближе, что-то внутри него, какой-то древний, врождённый инстинкт, шептал: вода — это не твоя стихия.

Но любопытство оказалось сильнее. Он встал в полный рост, опираясь задними лапами о скользкий пол, а передними всё ещё держась за край ванны, снова потянулся к воде. На этот раз намного смелее, он пошёл дальше. Хвост активно вилял из стороны в сторону, выдавая щенячий восторг. Он почти дотянулся носом до поверхности, почти коснулся её кончиком языка, и тут правая лапа поскользнулась на мокром стяжном обруче. Раздался скрежещущий звук, и дракон, потеряв равновесие, рухнул в воду.

Для него это было настолько неожиданно, что на долю секунды он просто замер, посреди ледяной воды, что поднялась волной и перелилась через край. А затем началась паника. Сердце забилося где-то в горле, гулко и часто, и дракон, бултыхаясь всеми четырьмя лапами, принялся отчаянно пытаться выбраться. Вода вздымалась фонтанами брызг, пена летела во все стороны, на пол, на стены, на зеркало. Он мотал головой влево-вправо, разбрызгивая воду с гребня и роговых пластин. Шевелил передними лапами так, словно пытался плыть, но плавать он не умел. Не его это была стихия.

Собрав все силы в один отчаянный рывок, он прыгнул из ванны, минуя край, на пол. Брызги разлетелись во все стороны, а сам дракон с оглушительным грохотом приземлился на левый бок, проехавшись по мокрым доскам. Он инстинктивно отряхнулся, и с его чешуи во

все стороны полетели капли воды. А затем, тяжело дыша, зверёк замер, бегая выпученными золотистыми глазами по комнате, и искал поддержку. Искал Элис.

Дверь со скрипом полностью открылась. Элис стояла на пороге, держа в руках четыре штуки дров, аккуратно наколотых, и жестяную коробку спичек во рту. Увидев этот апокалипсис, она слегка нахмурилась, оглядывая представшую перед ней картину: лужи воды по всему полу, мокрые стены, забрызганное зеркало, и в центре всего этого напуганный дракон, с прилипшей к боку мокрой соломой и выражением глубочайшего раскаяния в золотистых глазах. По состоянию этого зверька она сразу поняла: он уже успел искупаться. Или, точнее, ванна искупала его сама, без спросу.

— И что тут произошло? А? — спросила она, и в голосе её, помимо строгости, уже пробивались первые, тёплые нотки смеха. Она поставила дрова на пол, достала изо рта спички и сунула в карман передника, оперившись руками в бока. — Видимо, решил без меня помыться?

Элис негромко рассмеялась, и подошла к нему ближе. Её шаги были осторожными, чтобы не поскользнуться на мокром полу. Дракон, всё ещё дрожащий, поднял на неё виноватый взгляд.

— Ладно, — сказала она, присаживаясь рядом и кладя ладонь на его мокрый, холодный лоб. — Ты пока отходи от стресса своего. А я печку затоплю. Всё равно нам час ждать придётся, пока вода нагреется. Зато в следующий раз не будешь таким пугливым. Договорились?

Дракон послушно кивнул. В этом кивке читалось всё: и страх, и вина, и бесконечная благодарность. Но вместе с этим он стал чувствовать, как с Элис ему становится намного спокойнее. Её присутствие, её голос, её тёплая ладонь на лбу, всё это действовало на него так, как не действовало ничто прежде. Он всё ещё не до конца понимал, что такое «мыться» и зачем это вообще нужно. И, глядя на эту круглую, коварную ванну, что чуть не поглотила его целиком, вопросов у него становилось лишь больше.

Час прошёл для них по-разному.

Элис, открыв дверцу печи, закинула внутрь дрова. Сперва бересту, скрученную в плотные жгуты, затем тонкие щепки, и наконец, два берёзовых полена, что занялись почти сразу. После резко закрыла чугунную заслонку. Она села на корточки прямо на холодный пол, обхватила колени руками и стала наблюдать за тем, как огонь разгорается, увеличивается, набирает силу. Он постепенно становился смелее, и вот уже гудел внутри печи басом. И от этого зрелища, от тепла, что начинало расходиться по ванной, Элис получала какое-то глубокое удовольствие. Так она могла сидеть часами.

Дракон же увлёкся охотой на тени. Те самые, что исходили от масляных ламп. Они плясали на полу, то сжимаясь, то растягиваясь в зависимости от того, как колыхался огонёк. Он вставал в позу тигра, припадая на передние лапы, вытягивал шею, замирал, и его золотистые глаза внимательно следили за ближайшей тенью. Затем, в нужный момент делал резкий прыжок, хватался передними лапами за тень на полу, но та, конечно, ускользала, перебираясь на другое место. Дракон замирал снова. Прицеливался. Прыгал. И снова промахивался. Он делал это снова и снова, пока не устал и не запыхался, его бока тяжело вздымались, из пасти вырывались короткие облачка ледяного пара, а язык свешивался набок. Тогда он, наконец, лёг, уткнулся лбом в прохладные доски пола и замер, мерно дыша. Элис изредка поглядывала на своего питомца, и иногда улыбка трогала её губы.

Как только вода в печи стала нужной температуры, она подставила трёхлитровое ведро к крану печи и осторожно открыла его. Горячая струя полилась, ударила о жестяное дно, и ведро тут же запотело. Пар поднялся к потолку, смешиваясь с прохладным воздухом ванной. Когда ведро наполнилось, Элис закрыла кран, взяла его обеими руками, и аккуратно, стараясь не расплескать, вылила в ванну. Затем снова к печи, снова кран, снова ведро. Так она проделала раза четыре, каждый раз помешивая воду в ванне деревянной мешалкой, чтобы жар рас-

пределился равномерно, пока вода не стала тёплой, почти как летнее озеро в тех краях, где лето вообще бывает.

— Что ж, милый, — сказала она, наконец, вытирая руки о передник и поворачиваясь к дракону. — Залезай в ванну!

Дракон, сидевший в углу, посмотрел на неё. В его золотистых глазах плескалась такая глубокая, такая искренняя мольба, что у любого другого сердце дрогнуло бы. Он жалобно, но коротко проскулил, и опустил голову почти до самого пола, всем своим видом показывая: пожалуйста, не надо. Я лучше грязным посижу. Мне и так хорошо.

Но Элис была непреклонна. Она скрестила руки на груди, выпрямилась и указала пальцем на ванну.

— Давай-давай! — приказала она тоном, не терпящим возражений, но в глазах её всё равно плясали смешинки. — Нечего мне тут сцены устраивать. Я полчаса воду грела, между прочим.

Постояв пару секунд, дракон понял, что другого пути нет. Что эта маленькая, но удивительно волевая женщина не отступит, и что ему всё равно придётся лезть в эту круглую ловушку. Поэтому он, дрожа всем телом, зашагал прямо к ванне, осторожно приносясь. Сердце его бешено колотилось, отдаваясь гулом в висках, и он решительно не знал, что с этим страхом можно сделать.

Сначала он поднялся в полный рост, опираясь передними лапами о край ванны. Элис тут же оказалась рядом и подставила плечо, придержала за бок, что-то зашептала успокаивающе. И спустя мгновение он уже оказался внутри. Тёплая вода сомкнулась вокруг его тела, поднялась до середины боков, и первое время он просто замер, не в силах понять, хорошо ему или плохо. А затем постепенно до него дошло. Вода была обволакивающей. Она не пыталась его утопить, не была враждебной. И страх, сжимавший сердце, начал понемногу отступать.

— Ну что? — спросила Элис, заметив, как расслабились его плечи и как перестал дрожать хвост. — Теперь не страшно?

Она отошла от ванны и, наклонившись, подняла с пола один кусок мыла кремового цвета, с вкраплениями каких-то сушёных трав, привезённый отцом из одной из его экспедиций. Мыло пахло чем-то далёким и нездешним: лавандой, мёдом, летним лугом. Вернувшись к дракону, она заметила, как тот постепенно осваивается. Он уже не сидел неподвижно, а осторожно, почти по-кошачьи, трогал воду лапами, разгоняя по поверхности маленькие волны. Затем осмелел и вовсе принялся кружить в ванне. Было тесновато, но ему, кажется, было всё равно. Ему просто комфортно играть с водой, подбрасывая её носом и ловя ртом брызги. Это заставляло Элис улыбаться ещё шире, так широко, как она не улыбалась уже очень, очень давно. Её питомец привыкал к воде. Её дракон. Её.

Пока она мылила его тело, дракон то и дело подходил к краю ванны, вставал передними лапами на скользкие доски и с любопытством высовывал свой длинный, раздвоенный язык, пробуя воздух на вкус. Мыло в руках Элис образовывало густую, кремовую пену, и часть её, срываясь с ладоней, падала на воду, тут же расплываясь белоснежными облачками. Постепенно на поверхности ванны скопилась целая гора пышной, искрящейся в свете лампы пены, переливающейся радужными пузырьками. Заметив это, дракон тут же забыл обо всём на свете. Он снова опустился в воду, стараясь не задеть Элис, но всё его внимание теперь было приковано к этому странному, загадочному веществу, что пахло лавандой и вело себя совершенно непредсказуемо.

— Родной, ты чего? — Элис замерла с мылом в руке, глядя, как её питомец, только что намыленный, снова окунается в воду. — Я тебя только намылила. Стой на месте! Ну, ты чего?

Она наклонилась, достала из-под ванны старый деревянный ковшик с длинной ручкой, которым обычно зачерпывала воду для ополаскивания, и уже собралась продолжить мытьё, но дракон её опередил. Он опустил голову к самой горе пены, с интересом обнюхал её, чихнул от попавшего в ноздри пузырька, а затем не раздумывая, зачерпнул лапой изрядную кучку пены и отправил её в пасть.

Мгновение, и его золотистые глаза расширились до предела. Зрачки сузились в тонкие вертикальные щёлочки, гребень на голове встал дыбом, а из горла вырвался сдавленный, булькающий звук. Вкус мыла во рту оказался настолько отвратительным, настолько чуждым всему его существу, что дракон, раскрыв пасть, принялся ровно, методично выпускать всё содержимое обратно. Но вместо ожидаемого потока пены из его горла вырвался ледяной выдох, которым он рисовал карты на окне. Ледяное дыхание, смешавшись с мыльной пеной, сотворило нечто неожиданное: в воздух взметнулись десятки, сотни маленьких, сверкающих, застывших на лету пузырей. Они медленно, кружась, опускались вниз, словно крошечные мыльные снежинки.

Дракон, забыв о мерзком послевкусии, завороченно уставился на это чудо. И, как ни в чём не бывало, принялся ловить ледяные пузыри, подпрыгивая в воде и щёлкая пастью.

Мыло выскользнуло из рук Элис и с тихим всплеском ушло на дно ванны. Она встала в полный рост, упёрла мокрые руки в бока и нахмурилась. Впрочем, в уголках её губ уже предательски дрожала улыбка.

— Так, мальчик маленький! — произнесла она слегка грозно, но нежность всё равно пробивалась сквозь напускную строгость. — Может, хватит тебе играть, а? Давай я тебя быстро домою, и мы пойдём ужинать. Хорошо?

Дракон три раза кивнул своей тяжёлой головой, стараясь загладить вину за съеденную пену и разлетевшиеся по всей ванной пузыри, и приблизился к Элис, подставляя бок. Та, вздохнув, направила на дне мыло, потёрла его в ладонях, восстанавливая пену, и взялась за ковш. Она набрала воды, тёплой и чистой, и принялась аккуратно сливать мыло с его чешуи. Сверху вниз, от гребня на голове до кончика хвоста. Вместе с пеной стекала и накопившаяся за долгое время грязь, она оставляла после себя тёмные разводы, и чешуя под ней проступала во всей своей первозданной черноте, отливающей фиолетовыми и синими искрами.

Дракон стоял смирно, лишь изредка поводя хвостом, и жмурился от удовольствия. Тёплая вода, ласковые прикосновения, запах лаванды, всё это для него было новым, странным, но удивительно приятным. И где-то глубоко внутри, в том потаённом уголке его существа, где ещё недавно жили только страх и одиночество, теперь просыпалось что-то иное. Что-то, очень похожее на счастье.

Полностью ополоснув его, пока вода не стала стекать совершенно прозрачной, без малейшего следа пены или грязи, Элис взяла со скамьи оранжевое полотенце с вышитой надписью «Murka» и принялась старательно его вытирать. Она тёрла жёсткую чешую вдоль хребта, промокала мягкую кожу за ушами, осторожно проходила по перепончатым крыльям, что дракон послушно расправлял перед ней, и с каждым движением её питомец всё больше походил на самого себя. Чешуя его, очищенная от слоя дорожной пыли и копоты, сияла глубоким, влажным блеском, переливаясь в свете лампы всеми оттенками чёрного, синего и фиолетового, словно полярное небо в ясную ночь. После она взяла его за переднюю лапу теперь тёплую, а не ледяную, и помогла выбраться из ванны на скользкий пол. Дракон ступил на доски осторожно, но уверенно, и по его довольной морде, по прищуренным золотистым глазам и по тому, как ритмично подрагивал кончик хвоста, было ясно: процедура ему понравилась. Более того, он уже, кажется, мечтал повторить её. Когда-нибудь. Может быть, даже завтра.

— Так, милый, — сказала Элис, вешая влажное полотенце на край ванны и поправляя сбившийся передник. — Сегодня ты будешь спать на лежанке у камина, хорошо? Чтобы

согреться после купания. А то вода тёплая, а воздух в доме всё равно прохладный. Иди пока в зал, я тебе постелю. А потом достану чугунок и приготовлю нам ужин. Хорошо?

Дракон радостно закивал, резко встряхнулся всем телом, от головы до кончика хвоста, так, как делают все звери, выходя из воды. Тысячи мельчайших капель разлетелись во все стороны, оседая на стенах, на зеркале, на лампе, и добрая половина из них попала прямо на лицо Элис. Она зажмурилась, засмеялась и принялась вытирать щёки ладонью, а когда открыла глаза, дракона в ванной уже не было. Только одеяло, что она накинула ему на спину после купания, одиноко лежало на мокром полу, сброшенное в спешке. Половицы в коридоре ещё дрожали от ударов его лап, а из зала уже доносился приглушённый, довольный грохот.

Элис, улыбаясь, покачала головой.

— Вот как ребёнок, — прошептала она себе под нос, и в её голосе, в этом коротком вздохе, было столько тепла, сколько не набралось бы за все долгие месяцы одиночества. Она подняла одеяло с пола, отжала его над ванной и, всё ещё улыбаясь, направилась в зал, стелить лежанку своему странному, чёрному, ледяному, но такому родному уже питомцу.

Глава 4.

Яркая лампа, стоявшая на самом верху дровяника, старой, покосившейся пристройки, что лепилась к дому с подветренной стороны, освещала весь задний двор. Свет был жёлтым, почти осязаемым в густой полярной тьме, и под ним снег искрился так, словно его посыпали толчёным стеклом. Ещё одна лампа, поменьше, стояла на земле, тёмной, сырой проплешине, где снег растаял от её жара, и обнажилась мёрзлая, чёрная почва, пахнувшая прелыми листьями.

С сухим треском один чурбак разлетелся на четыре части от точного удара топора. Элис с невозмутимым лицом, на котором не дрогнул ни один мускул, лёгким, почти небрежным движением руки скинула полешки на свежий, нетронутый снег, где они тут же начали обрастать инеем. Наклонилась к следующему смолистому, ещё хранившему холод тех далёких краёв, откуда его привезли, поставила на широкий дубовый пенёк, служивший ей плахой уже много лет, и с сильным, размашистым движением разрубила ещё одно полено. Топор вошёл в древесину с глухим, утробным звуком, и половинки разлетелись в стороны.

Несмотря на то, что Элис проснулась рано утром, примерно в четыре часа по её внутренним, безошибочным подсчётам, небо оставалось таким же тёмным, как и в полночь. Полярная ночь ещё не отступила, и звёзды, крупные и холодные, висели над головой, не мигая. Но она привыкла к такому. Она выросла в этом ритме, где день от ночи отличается не светом, а лишь положением стрелок на старых часах.

Дракон всё ещё спал. Прежде чем выйти во двор, Элис осторожно заглянула в зал, дверь скрипнула совсем чуть-чуть, и увидела как он, окутавшись пледом, который она дала ему после купания, лежал на овечьих шкурах перед камином и ровно похрапывал. Вероятно, ему снился какой-то сон, может быть, ледяные пузыри, может быть, полёт, а может, что-то совсем иное. Камин продолжал гореть, и оранжевые блики танцевали на чёрной чешуе, согревая его.

Когда уже четвёртый чурбак был повержен, а снег вокруг плахи покрылся россыпью свежих поленьев, до Элис, наконец, дошло. Если они будут куда-то вылетать, а она чувствовала, что карта на окне была не случайной, что крест среди елей что-то значит, то, учитывая сильные ветра и возможные бури, ей надо будет укрепить снаряжение её питомца. Упряжь она уже переделала, стремяна, руль, ремни, но этого мало. Нужно утеплить свою одежду: добавить ещё слой овчины на грудь и спину, укрепить швы на плаще, чтобы ветер не пробивался сквозь них. И в том числе сделать что-то для головы, капюшон, маску, что-то, что защитит лицо от ледяного ветра на огромной скорости.

Спустя двадцать минут на земле неаккуратно лежала целая гора полешек, достаточная, чтобы топить камин несколько дней без перерыва. Увидев свою работу, Элис протёрла лоб, тыльной стороной ладони, размазывая по виску капельку пота, и отложила топор, прислонив его к стене дровяника. Затем, методично и не спеша, принялась собирать порубленные поленья и укладывать их в пустующий первый ряд поленницы, одно к одному, как учил отец. Дрова ложились с тихим стуком, и этот звук в ночной тишине был и музыкой.

— На пару дней хватит, — улыбаясь, произнесла Элис, окидывая взглядом аккуратно сложенную поленницу.

Она подхватила топор, пристроив его на плечо, и лёгкими, шагами вернулась в дом. В прихожей её встретило. Элис сняла с себя верхнюю одежду: сначала тяжёлый овчинный жилет, потом шерстяной платок, которым укутывала голову, затем варежки, уже успевшие намокнуть от снега. Всё это она аккуратно развесила на крючках у двери, стараясь не шуметь, и на цыпочках прокралась мимо зала, где перед камином, на овечьих шкурах, всё ещё спал дракон. Плед, которым она его укрыла, слегка сполз, обнажив блестящий чёрный бок, мерно вздымающийся в такт дыханию. Из приоткрытой пасти вырывались крошечные облачка ледяного пара, и они,

подхваченные восходящим от камина теплом, поднимались к потолку и таяли там, не долетая. Элис на мгновение задержалась в дверях, прислушиваясь к его ровному похрапыванию, и что-то тёплое, щемящее шевельнулось в груди.

«Пусть спит», — прошептала она одними губами и неслышно двинулась дальше.

На кухне она включила свет, и лампы осветили скромное убранство: деревянные полки с глиняными горшочками, пучки сушёных трав под потолком, старую, выдавшую виды самодельную печь. Наверху этой печи, там, где вчера она оставляла его греться, стоял чёрный чугунок, с плотно притёртой крышкой. Элис подошла к нему и, приоткрыв крышку, заглянула внутрь. Пусто, воды не было, ни капли. Должно быть, вчера в суматохе, после купания дракона и всех приключений, она забыла наполнить его снова.

Быстро, стараясь не греметь половицами, прошла в ванную, взяла с пола то самое деревянное ведро, которым вчера наполняла ванну, и набрала холодной воды из крана печи. Вода была ледяной, пахнувшей талым льдом, и ведро тут же запотело снаружи. Вернувшись на кухню, она аккуратно, не пролив ни капли, наполнила чугунок до самого верха. Затем взяла с полки жестяную коробку спичек, чиркнула одной, и серный запах на мгновение перебил все остальные. Элис поднесла огонёк к растопке. Пламя занялось быстро, весело, и вот уже в печи загудело, затрещало, и на дне чугунок начали появляться первые, робкие пузырьки воздуха.

Элис села на табурет, подпёрла голову рукой и стала наблюдать за тем, как вода медленно закипает. Пузырьки становились всё чаще, всё крупнее, поднимались со дна серебристыми нитями и лопались на поверхности с тихим, уютным шипением. В голове промелькнула мысль: сейчас она приготовит им еду. Хотя, если быть честной с собой, еду скорее для себя. Ведь её дракоша, как она успела заметить, больше любит лакомиться сырой олениной. Просто свежее мясо, ничего больше. А она... она, пожалуй, сварит себе овсяной каши с остатками вяленого мяса, просто, сытно. А потом, когда поест, сядет у камина, рядом со спящим драконом, и продолжит работу над снаряжением. Нужно утеплить плащ, укрепить шлем, может быть, даже придумать что-то для защиты глаз от ветра. Времени мало. Карта на окне, крест среди елей, всё это не выходило у неё из головы, и она знала: скоро, очень скоро им предстоит путь.

Пока она работала, её новый питомец развлекался на своей лежанке. Элис с утра связала ему из старых тряпок и веревок плотный, туго набитый мяч. Игра захватила дракона полностью. Он подбрасывал его в воздух и ловил пастью с громким хрумом, затем брал в передние лапы и с размаху швырял через всю комнату, тут же срываясь с места и ловя на лету, прежде чем тот успевал удариться о стену. Апогеем стала игра в «стенку»: он бросал мяч в заиндевшее окно, тот отскакивал с глухим стуком и летел обратно, а дракон, хищно пригнувшись, ловил его с виртуозной точностью.

— Эх, ты, дракоша, — улыбнулась Элис, завязывая последний узел на сумке для припасов. — Вот вроде взрослый, а ведёшь себя как маленький. Ладно, полетим с тобой завтра. Только вот другой вопрос... — Она задумалась, отложив работу. — Как мы с тобой карту перенесём? На окне её не оставишь, а рисовать заново...

Наконец дракон отвлёкся от мяча. Он затажно, с достоинством подошёл к ней, встал на задние лапы, так что его голова оказалась на уровне её груди. Аккуратно, носом, он отогнул рукав её грубой льняной сорочки, обнажив кожу на предплечье. Затем, собравшись, он дунул, мягко и сконцентрировано. Из его ноздрей выплыло небольшое сияющее облачко инистой пыли. Оно коснулось её кожи, и Элис почувствовала резкий, игольчатый холодок. На её руке, прямо под кожей, как татуировка из живого льда, начали проступать извилистые, точные линии. Та самая карта с реками, лесом и крестом в центре. Вся, в мельчайших деталях, как на

окне. Холод почти сразу испарился, оставив лишь лёгкое, приятное онемение и совершенный, сияющий рисунок.

Элис замерла, широко раскрыв глаза. Она повертела рукой, рассматривая чудо при свете камина.

— Так ты и так умеешь, дракоша! — воскликнула она, и в её голосе прозвучало восхищение.

Дракон, опустившись на все четыре лапы, ухмыльнулся. Угол его пасти задорно поднялся. Он поднял голову, и вся его поза излучала победное самодовольство: «Ну да, а что?» Он смотрел на неё, явно ожидая продолжения потока похвал за своё волшебство.

— Хорошо, милый, — произнесла Элис, переводя взгляд со своей одежды, разложенной на стуле, на дракона, что нетерпеливо переминался с лапы на лапу у двери. Она утеплита лишь малый процент из всего, что планировала: успела нашить дополнительный слой овчины на плечи плаща и укрепить воротник, — но ей так хотелось попробовать новое снаряжение своего дракона. Просто почувствовать, как оно сидит. Просто ещё раз ощутить этот пьянящий, невозможный полёт. — Давай попробуем ещё раз полетать. Последняя тренировка перед тем, как я всё доделаю. Обещаю.

Дракоша радостно закружил на месте, едва не снеся хвостом табуретку, и тут же приблизился к Элис, нетерпеливо тыча носом ей в плечо, чтобы та поскорее одела его. Она, улыбнувшись, улыбка вышла чуть нервной, принялась прикреплять всё, что вчера смастерила для него долгими вечерними часами. Стремена, с дополнительными фиксирующими ремешками, стали намного прочнее тех, что были прежде, тех, что едва не стоили ей жизни в первом падении. Она проверила каждый узел, каждый карабин, каждую пряжку. Всё держалось надёжно. Появились и ремни для самой Элис: она придумала хитрый механизм, при котором широкие кожаные ленты, перекрещённые на груди и застёгнутые на спине, будут удерживать её в седле даже при самой сильной буре, даже при резком манёвре, даже если она сама на мгновение потеряет контроль.

Тем временем на драконе уже было надето всё снаряжение. Он осмотрел себя так, насколько мог, выгибая шею и кося золотистым глазом на собственную грудь, и издал довольный рык, явно радуясь обновке. Кожаные ремни красиво контрастировали с его чёрной, блестящей чешуёй, и в них он выглядел не просто зверем, а настоящим боевым скакуном, или, вернее, скакуном небесным.

Они вышли на двор, где всё ещё царила крошечная, звёздная тьма. Дракон чуть наклонился, припадая на передние лапы, чтобы Элис было проще забраться. Внутри у неё смешались в тугий узел самые разные чувства: страх, ещё не забытый после прошлого падения; волнение, от которого перехватывало горло; и где-то глубоко трепетное предвкушение. Тянуло низ живота, и она явно не знала, чего можно от всего этого ожидать. Перекинув левую ногу через его широкую спину, она села, устраиваясь поудобнее. Попыталась осторожно запихать ноги в стремяна, но не вышло. Пальцы замёрзли, кожаные петли не поддавались, и на мгновение её захлестнула волна досады. Но Элис зажмурилась, глубоко вздохнула и проговорила про себя, одними губами:

«Давай ещё, Элис. Ты сможешь».

И медленно, очень медленно и аккуратно, стала протягивать ноги в стремяна. Одно вошло. Затем второе. Спустя несколько томительных секунд обе ноги оказались на месте, плотно зафиксированные.

— УРА! — радостно воскликнула Элис, скидывая руки и хватаясь за руль

Дракон, почувствовав её восторг, принялся резко вертеть хвостом, изображая радость: хвост ходил ходуном, выбивая из снега фонтаны белой пыли. Элис рассмеялась, но смех её быстро угас, когда она поняла: пора.

— Давай, дракоша.

Дракон побежал вперёд, сначала неуклюже, проваливаясь в снег, и, набрав нужную скорость, прыгнул вверх, расправляя крылья. Мощные перепонки хлопнули по воздуху раз, другой, третий, и земля ушла вниз. Элис неуверенно, дрожащими руками держала руль, костяшки пальцев побелели от напряжения, а ноги, несмотря на фиксацию, всё равно дёргались в этой суматохе, ища более устойчивого положения. Дракон стал набирать высоту, и ледяной ветер ударил в лицо с такой силой, что Элис мгновенно пожалела о своей недоделанной экипировке. Она так и не связала себе ничего для лица, и теперь расплачивалась за это. Ветер щипал глаза, выбивая слёзы; щеки раздирали тысячи невидимых, колючих ледяных кинжалов; губы мгновенно обветрились и начали трескаться.

Элис, держа руль одной рукой, опустила голову вниз и закрыла лицо второй, бесполезный, отчаянный жест. Дракон летел с огромной скоростью, рассекая воздух, и сердце её прыгало где-то у самого горла, а по жилам с новой силой хлынул горячий, обжигающий адреналин, почти болезненный.

— Дракоша! — крикнула она, перекрикивая ветер. — Милый, давай обратно!!

Услышав команду, дракон плавно снизил скорость и аккуратно, без резких рывков, повернул влево. Тело Элис тоже слегка наклонилось в такт движению, подчиняясь законам неба, и они стали лететь обратно к дому. Но полёт всё ещё продолжался, и каждый его миг требовал от неё всех сил.

Тело испытывало очень серьёзную нагрузку, мышцы, ещё не привыкшие к такому напряжению, ныли и дрожали. Элис прижалась к телу своего питомца, обхватив его шею так крепко, как только могла. Её правая нога всё ещё неумело дёргалась в стремени, будто пыталась скорее освободиться из плена, а не удержаться в нём. Глаза постепенно закрывались сами собой. Веки, отяжелевшие от холода и усталости, не желали подниматься. На ресницах давно скопились клочки снега и крошечные льдинки, а по щекам, обжигая кожу, текли слёзы от ветра.

Когда Элис вновь с трудом открыла глаза, будто разлепляя их после долгого сна, дракон уже размеренно опускался на землю. Его крылья застыли в парящем положении, широко расправленные, и он мягко, почти невесомо приземлился на все четыре лапы, подняв тучу снежной пыли. Правая нога Элис, наконец, освободилась из стремени, и она, не в силах больше держаться, рухнула навзничь на снег, широко раскинув руки и часто дыша. Пар изо рта вырывался густыми, рваными облаками, сердце колотилось, а перед глазами всё ещёплыли круги.

— Фух, дракоша, — выдохнула она, глядя в тёмное небо над головой. — Я ещё абсолютно не умею летать с тобой.

Она оперлась руками о снег, и с трудом села на пятую точку. Дракон, наклонив голову, заглядывал ей в лицо с немимым вопросом: «Ты в порядке?» Элис протянула руку и погладила его прохладную голову.

— Надо подумать над моим снаряжением. Шлем, маска, очки какие-нибудь... — Она устало потёрла переносицу, размазывая по лицу остатки замёрзших слёз. — А ещё знаешь что? Повторим сегодня ещё раз два. Я должна научиться держать себя в руках. Должна перестать бояться...

Ветер на земле был лишь ленивым, порывистым движением. Он вздыхал, перекачивая по бескрайней равнине клубы сухого, колючего снега и рисуя на его поверхности причудливые, стремительные змейки. С высоты, оттуда, где стояла Элис, это выглядело как тихое, непрерывное дыхание спящего гиганта. Такого огромного, что его тело было самой землёй, его пульс током ледяных рек под толщей льда, а его вздохи бесконечными позёмками. Каждый порыв оставлял после себя на ослепительно-белом полотне тёмный, мимолётный след, который тут же затягивало и сглаживало следующим. Лёд под тонким снежным покрывалом временами отли-

вал холодной, пронзительной синевой, что напоминает о чудовищной, невообразимой толще, скрытой внизу, о бездне, что уходит вглубь на сотни, а может, и на тысячи метров.

Нога Элис ступила на самый край горы, где снежный нанос обрывался резко, без предупреждения, в пустоту. Она посмотрела вниз, и у неё на мгновение перехватило дыхание: там, далеко, простиралась ледяная равнина, белая и безмолвная, уходящая за горизонт, где небо сливалось с землёй в единую, бледную дымку. Дракон шагнул следом, его когти с тихим, уверенным хрустом впились в спрессованный наст, оставляя чёткие следы. Воздух здесь, на открытом месте, был острым; порывы ветра, хоть и ленивые внизу, здесь норовили сорвать капюшон, забраться за шиворот, ужалить открытые участки кожи. Но сегодня Элис была готова.

Она принялась за последние приготовления. Накинула на дракона новую упряжь, ту самую, над которой корпела два дня, подтянула ремни на груди и под брюхом, проверила надёжность стремян и руля. Ладонь на мгновение задержалась на холодной чешуе его шеи, в этом жесте она вложила всё, что не успела сказать словами. Дракон низко заурчал в ответ, и этот звук пробежал по её пальцам лёгкой вибрацией. Затем она приладила к седлу его сумку и свою, создав сбалансированный багаж так, чтобы ни один бок не перевешивал в полёте. В её рюкзаке лежало самое необходимое: вяленое мясо, завернутое в промасленную ткань; лепёшки, ещё хранившие тепло вчерашней печи; фляга с талой водой и, на самый крайний случай, масляная лампа с запасом фитиля и масла. Маленький огонёк, который она пронесёт с собой сквозь холод.

Перед сном она не теряла времени даром. Из остатков самой тёплой шерсти, что отец когда-то привёз с Большой земли, ей удалось связать длинный, плотный шарф и маску-балаклаву, оставляющую прорезь лишь для глаз. Теперь, натянув её на лицо, она была защищена от ледяных поцелуев бури: шерсть плотно облегла щеки, нос и лоб, и только глаза, зелёные и решительные, смотрели на мир сквозь узкую щель. Она заправила шарф под ворот плаща, затянула капюшон поверх балаклавки и на мгновение замерла, проверяя, нигде ли не дует.

Всё было готово. Не оставалось больше причин медлить.

Элис посмотрела на снег, на дом, и вспомнила, как отец говорил: «Страх — это не враг, Элис. Враг — это когда ты позволяешь страху решать за тебя». Она глубоко вдохнула. Воздух обжёт лёгкие, но она почти не заметила. Всё её внимание было приковано к Клерку, к его золотистым глазам, в которых она читала терпеливое ожидание.

«Я доверяю тебе, — прошептала она. — Не подведи».

Элис вновь глубоко вдохнула, воздух был так же холоден, что перехватывало горло, но она уже почти не замечала этого. Взялась за рукояти руля и аккуратно, с привычной уже ловкостью, вскочила в седло. Ноги надёжно упёрлись в стремяна, не с первого раза, конечно же, но она быстро поправилась, вставив их глубже, затянув фиксирующие ремешки. Она почувствовала, как под ней напряглись могущественные мускулы дракона, как он переступил с лапы на лапу, готовясь к прыжку, как часто забилося его сердце, или это её собственное? — отдаваясь гулом в коленях и ладонях.

— В путь, — прошептала Элис, и голос её, приглушённый балаклавой, прозвучал тихо, почти торжественно. Она сказала это больше для себя, чем для него, как клятву, как обещание, как точку отсчёта.

Дракон, почуяв её готовность, сделал несколько мощных шагов назад, разворачиваясь против ветра. Снег захрустел под его лапами, крылья приоткрылись, пробуя воздух. Затем, оттолкнувшись от самого края так, что комья замёрзшей земли и снега полетели в пропасть, он ринулся вперёд по узкой снежной тропе, что вела к обрыву. Скорость нарастала мгновенно, всё быстрее, быстрее, быстрее. Снежная пыль взметалась из-под когтистых лап, свист в ушах становился всё громче. И в тот самый момент, когда земля кончилась, когда под ними не оста-

лось ничего, кроме пустоты, он расправил крылья во всю их огромную ширь. Свист в ушах. А затем мощный взмах, и ещё, и ещё, и они взмыли в небо.

Элис оглянулась через плечо. Там, на плоской вершине горы, остался их крошечный дом, почти неразличимый на фоне снега. Она смотрела на него, пока он не превратился в точку, а затем и вовсе не исчез, поглощённый белизной. Впереди, навстречу им, простиралась белая, бескрайняя неизвестность, и где-то там, среди елей, нанесённых ледяным дыханием на стекло, их ждал маленький крест.

Они летели со средней скоростью. Дракон словно чувствовал, что ей нужно привыкнуть, освоиться, поймать этот ритм. Но даже этого хватало, чтобы ветер впивался в лицо тонкими, невидимыми лезвиями, пробираясь сквозь плотную шерсть маски и заставляя слёзы наворачиваться на глаза. Элис вжалась в его шею, пригибаясь как можно ниже, стараясь смотреть не перед собой, а вниз, сквозь узкую прорезь в капюшоне, туда, где медленно, величаво плыла земля.

Дракон плавно набрал высоту, и перед ней разверзся мир в своём самом чистом, самом беспощадном воплощении. Это был сам Северный полюс, великий и безмолвный. Место, где планета дышит иначе, где время течёт не минутами, а движением звёзд по чёрному куполу, где красота граничит с ужасом, а жизнь с вечным, нерушимым покоем.

Сначала её взгляд скользил по бескрайним снежным дорогам. Но это были не дороги, нет, ни один человек не прокладывал здесь пути. Это были следы древних ветров, что веками, тысячелетиями прочерчивали по поверхности земли идеальные, гипнотические полосы, уходящие за горизонт. Они тянулись параллельно друг другу, изгибались плавными дугами, пересекались и расходились вновь, и в их строгом, математическом ритме чудилась какая-то неземная, нечеловеческая музыка. Они напоминали гигантские партитуры, начертанные на снегу, но играла на них только одна нота, Бесконечной белизны.

Затем появлялись ледники, спящие горные хребты из сапфира. Они вздымались из земных недр фантастическими арками, гротами и шпилями, испещрёнными глубокими, ультра-мариновыми трещинами, что уходили вглубь на сотни метров. Луна, висевшая где-то за спиной, ещё не зашедшая за горизонт, зажигала в их гранях внутренний огонь. Казалось, это не лёд, а окаменевший свет, что миллионы лет копился в этих толщах и теперь, под луной, тихо светился изнутри, как гигантский, забытый богами драгоценный камень.

И повсюду были замёрзшие воды. Океан, скованный в монолит, не был ровным, как зеркало, каким его часто рисуют на картах. Его поверхность была смята в огромные торосы, хаотические нагромождения ледяных глыб, будто здесь сошлись в битве и застыли навеки ледяные титаны. Одни глыбы стояли вертикально, как надгробия; другие наваливались друг на друга, образуя причудливые пирамиды; третьи раскололись, рассыпавшись веером осколков. Между ними чернели полыньи, дыры в белом покрывале, провалы в бездну, откуда поднимался тяжёлый, влажный пар, тут же замерзающий в воздухе тончайшей ледяной взвесью. А вдалеке, на самом краю света, где небо сливалось с землёй в единую, бледную дымку, белела стена многолетнего, непроходимого пакового льда, настоящей ледяной пустыни, куда не ступала нога человека и куда, быть может, не добирался даже ветер.

Не было ни дерева, ни травинки, ничего живого. Только лёд, снег и камень. Ни движения, кроме редких вихрей снежной пыли, танцующих над торосами, словно призраки давно забытых существ. Тишина здесь была густой, такой плотной, что даже рёв ветра казался её частью, голосом самой пустоты. Это был мир до жизни. Мир после неё. Мир абсолютной, совершенной и немного жуткой красоты, где человек чувствовал себя не хозяином, а пылинкой, затерянной в медленном, равнодушном дыхании планеты.

Дракон продолжал лететь размеренными взмахами крыльев. Мир под ними размеренно вращался, как огромная, ледяная карусель: ослепительные снежные поля сменялись синеватыми разломами ледников, те чёрными пропастями полыней, и снова снег, снова лёд, снова

синева. Полёт был гипнотическим, почти сонным, под монотонный гул ветра в ушах, под глубокую, ритмичную вибрацию мышц под седлом, под мерное дыхание дракона, что сливалось с её собственным. И в этом гипнозе, в этом бесконечном, завораживающем однообразии, было что-то странно успокаивающее, словно мир говорил ей:

«Ты мала. Ты ничтожна. Но ты здесь. И этого достаточно».

Вдруг, там, на самом стыке земли и неба, где ослепительная белизна снегов начинала сливаться с серой, туманной дымкой горизонта, мигнул огонёк. Сперва один, крошечный, едва различимый, как искра, вылетевшая из камина. Потом ещё раз. И ещё. Слегка прерывистый, неровный, будто кто-то подавал слабый сигнал, не похожий ни на холодный отблеск льда, ни на далёкие звёзды, которых ещё не было видно в сером небе. Он вспыхивал и гас, вспыхивал и гас, настойчиво, будто кто-то там, внизу, отчаянно пытался докричаться до небес.

Элис напряглась, всем телом подаваясь вперёд, и всмотрелась вдаль. Глаза, уставшие от бесконечной белизны, с трудом фокусировались на этом новом, чуждом оттенке. Сердце глухо ёкнуло, и она почувствовала, как внутри разливается тревожное волнение. Первый признак иной жизни за долгие часы полёта, намёк на то, что они здесь не одни.

— Дракоша! — крикнула она, стараясь перекрыть свист ветра, и потянула за правый повод, указывая направление. — Смотри! Свет! Нам туда. Вдруг... вдруг там что-то важное!

Дракон слегка повернул голову, его длинная, гибкая шея изогнулась, и один золотистый зрачок сузился в тонкую вертикальную щёлочку, ловя далёкую вспышку. Он оценил расстояние, угол, скорость, всё то, что было недоступно её человеческому восприятию, и деловито кивнул. А затем, без лишних разворотов, плавно изменил курс. Его крылья загребали воздух с новой, сосредоточенной целеустремлённостью, мышцы перекачивались под чешуёй, и они понеслись навстречу этой одинокой, мерцающей точке в бескрайнем море льда, как корабль, идущий на свет маяка.

Расстояние таяло с каждым взмахом. Очертания внизу постепенно проступали из белой мглы, обретая форму. Исполинская ледяная стена вздымалась над этим местом, как застывший водопад, и у её основания, в поисках защиты от ветра, жались какие-то фигуры. Свет мигал именно оттуда.

Приблизившись, Элис, наконец, смогла, разглядеть картину, от которой у неё перехватило дыхание. У самого подножия ледяной стены, будто прижавшись к ней для укрытия от вездесущего ветра, стояли низкие, прочные сани. Их деревянные полозья, окованные металлом, глубоко врезались в спрессованный снег, и было видно, что сани эти проделали долгий, очень долгий путь. Рядом, опустив головы и переступая с ноги на ногу в своей тяжёлой, вынужденной неподвижности, стояли три оленя. Настоящие, северные, с могучей грудью, густой, свалывшейся шерстью и огромными рогами. А в их глазах читалась та же усталость, что и у их хозяев.

Около саней, закутанные в яркие, но изрядно потрёпанные ветрами костюмы из плотной, многослойной ткани: алый, зелёной, золотой, суетились трое маленьких существ. Эльфы. Самые настоящие, живые эльфы, о которых Элис читала только в сказках. Ростом они едва доходили бы ей до пояса, но в их движениях не было ни капли той легкомысленной, танцующей грации, что приписывают им легенды. Их лица, с острыми подбородками и большими, выразительными глазами, были обветрены до красноты; бороды, длинные и когда-то, видимо, ухоженные, свалились в колтуны; а в глазах светилась не волшебная искра, а усталая, но суровая решимость и глухая, затаённая тревога. Они явно были здесь давно, и явно не по своей воле.

— Дракоша, тише, — прошептала Элис, натягивая поводья обеими руками. — Приземляйся. Аккуратно.

Дракон, послушный её голосу, сложил крылья и пошёл на посадку, замедляя полёт плавной, широкой дугой. Снег взметнулся густым, искрящимся облаком из-под его лап, когда он коснулся земли, почти бесшумно, на удивление грациозно для такого огромного существа. Олени встревоженно фыркнули, замотали головами и отпрянули, натягивая поводья; их копыта

забили по насту, высекая ледяную крошку. Но эльфы не побежали. Они замерли на месте, три крошечные, яркие фигурки на фоне исполинской ледяной стены, смотрели на прибывших с тем выражением, в котором страх мешался с отчаянной, измученной надеждой.

Один из них, тот, что стоял на санях, возвышаясь над остальными, держал в руках большой медный, но старый керосиновый фонарь, с закопчённым стеклом. Он щёлкнул маленьким рычажком на боку, и настойчивое, ритмичное мигание прекратилось. Фонарь загорелся ровным жёлтым светом, и в наступившей внезапно тишине, нарушаемой лишь завыванием ветра в расщелинах ледника и тяжёлым дыханием оленей, этот свет казался живым.

Элис, всё ещё сидя в седле, медленно подняла открытую и пустую руку, без перчатки, чтобы было видно каждый палец, показывая, что у неё нет оружия. Жест был до боли простым, но красноречивым:

«Я не враг».

И встретила взглядом с тем, кто держал фонарь. На его лице, изрезанном глубокими морщинами, проступала небольшая седая борода, клочковатая, сваливавшаяся в сосульки. На голове неуклюже, сбившись набок, висела красная шапочка с потрёпанным белым помпоном. Должно быть, когда-то нарядная, теперь же выцветшая, заштопанная в нескольких местах, но всё ещё упрямо хранимая. Его блестящие, тёмные глаза смотрели на неё не снизу вверх, как смотрели бы на великана, а почти на равных, глаза существа, которое прошло через что-то очень трудное и ещё не знает, друг перед ним или новый враг.

Потом этот эльф тяжело прыгнул с саней, приземлившись на обе ноги с глухим хрустом снега, и направился к ним. Его походка была грузной, совершенно не похожей на ту лёгкую, танцующую поступь, что приписывают эльфам в сказках. Так ходят те, кто долго тащил на себе непосильный груз. Он задрал голову, чтобы разглядеть всадницу на спине чёрного дракона, и на мгновение в его глазах мелькнуло что-то похожее на узнавание. Его голос, когда он заговорил, был хриплым, пробитым холодом и, возможно, долгим молчанием. Голос, который давно не говорил, но теперь, когда заговорил, не мог остановиться.

— Ох, Клерк, — произнёс он, и в его тоне смешались облегчение, радость и глубокая, застарелая печаль. — Вот это прям судьба.

Этот эльф очевидно старше и выше двух других, тех, что сидели на санях, закутавшись в одеяла, и лишь переглядывались между собой, пытаясь сохранить остатки тепла в своих маленьких, дрожащих телах. Ростом он доходил Элис примерно до груди, что для эльфа, судя по всему, считалось немалым.

— Признаться честно, — продолжил он, не сводя глаз с дракона, — я прям, чувствовал, что ты придёшь.

— Клерк? — удивилась Элис, и имя это, сорвавшееся с её губ, прозвучало странно знакомо. Клерк. Так вот как его звали. Так вот кто он такой.

— Ну да, — эльф усмехнулся, и смех его был похож на скрип старого дерева. — Дракон по имени Клерк. Он же у меня буквально на глазах рос...

Эльф подошёл ближе, настолько близко, что пар от его дыхания смешался с ледяным паром, вырывающимся из ноздрей дракона. Его хриплый голос звучал с неприкрытой, щемящей грустью. Он потянулся, чтобы коснуться морды дракона, но рука его замерла в воздухе, не долетев нескольких сантиметров. То ли не решался, то ли чувствовал, что не имеет больше права.

— Эй, — сказал он вдруг, переведя взгляд на Элис, и в его глазах мелькнуло замешательство. — А тебя я не особо помню. Ты кто?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.